

ISBN ???

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute
Institute of Linguistics

The second conference
**INDIGENOUS LANGUAGES OF RUSSIA
IN CONTACT WITH RUSSIAN**

BOOK OF ABSTRACTS

11–13 February, 2021

V. V. Vinogradov Russian Language Institute RAS, Moscow // online
(via Zoom platform)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
Институт языкознания

Вторая конференция
**ЯЗЫКИ РОССИИ
В КОНТАКТЕ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ**

СБОРНИК ТЕЗИСОВ

11–13 февраля 2021 г.

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН // онлайн
(на платформе Zoom)

The conference is supported by Russian Science Foundation (grant 17-18-01649, «Dynamics of language contact in the circumpolar region»)

Конференция проводится при поддержке РФ (грант 17-18-01649 «Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе»)

Indigenous languages of Russia in contact with Russian II. 11–13 February, 2021. V. V. Vinogradov Russian Language Institute RAS & Institute of Linguistics, RAS, Moscow: Book of abstracts / Editors: Egor Kashkin, Olga Kazakevich, Olesya Khanina, Irina Khomchenkova, Alexander Letuchiy, Natalia Stoynova, Maria-Emilia Winkler. — ??? pp. — Moscow, 2021.

Языки России в контакте с русским языком II. 11–13 февраля 2021 г. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Институт языкознания РАН, Москва: Тезисы конференции / Редакторы: М.-Э. А. Винклер, Е. В. Кашкин, О. А. Казакевич, А. Б. Летучий, Н. М. Стойнова, О. В. Ханина, И. А. Хомченкова — ??? с. — М., 2021.

© Authors

Авторы

© V. V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS & Institute of Linguistics, RAS, Moscow, 2021

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Институт языкознания РАН, Москва, 2021

CONTENTS

СОДЕРЖАНИЕ

Тимофей Александрович Архангельский (timarkh@gmail.com)
Университет Гамбурга

**Взаимное влияние бесермянского и русского
в употреблении модальных частиц**

Timofey Arkhangelskiy (timarkh@gmail.com)
University of Hamburg

Mutual influence of Beserman Udmurt and Russian in the usage of modal particles

Бесермянский диалект (наречие в классификации [Кельмаков 1998]) удмуртского языка находился в тесном контакте с русским как минимум на протяжении последнего столетия. Практически все носители бесермянского на данный момент владеют русским как родным; для старшего поколения характерен поздний билингвизм, при котором носители выучивали русский язык в школе.

Известно, что при языковом контакте дискурсивные маркеры заимствуются быстрее, чем многие другие элементы [Matras 2009]. Как показано в работе [Biryuk, Usacheva 2016], в бесермянской речи действительно используются заимствованные из русского модальные частицы. Однако бесермянский обладает набором своих модальных частиц, в целом намного более частотных, чем их русские аналоги. Как показано в [Biryuk, Usacheva 2016], они не вытесняются русскими и остаются более распространёнными, чем заимствованные, в смысле количества регулярно использующих их информантов.

В этом докладе я покажу, что в области модальных частиц наблюдается не только влияние русского на бесермянский, но и намного более сильное обратное влияние. Работа основана в первую очередь на мультимедийном корпусе бесермянского и мультимедийном корпусе бесермянского русского, оба объёмом ок. 77 тыс. словоупотреблений. Носителями в обоих корпусах являются одни и те же люди, проживающие в деревне Шамардан Юкаменского района Удмуртии. Как показано в [Зубова 2019], на употребление модальных частиц в удмуртском в значительной степени влияет жанр; большинство текстов в обоих корпусах являются диалогами, что делает их данные сравнимыми.

Все наиболее частотные модальные частицы имеют в русской речи бесермян условные соответствия. Семантика русских соответствий, однако, может существенно отличаться от стандартной. В Таблице 1 сравниваются частотности частиц и их переводных эквивалентов в бесермянском, бесермянском русском и подкорпусе непубличной устной речи НКРЯ (взятого в качестве эталона стандартного устного русского), включающего в себя в основном диалоги. Как видно, в большинстве случаев эквиваленты основных бесермянских частиц в бесермянском русском встречаются значительно чаще, чем в стандартном.

Как будет показано в докладе с помощью анализа частотностей и примеров, бесермянские *n'i* ‘уже’ и *re* ‘репортатив’ почти в точности воспроизводятся носителями в русском. При этом в первом случае используется переводной эквивалент, а во втором иногда используется и сама частица *re*. Частица *ik* ‘ведь’ калькируется в русском в большей части контекстов, хотя и не во всех. Наконец, *ik*, регулярно переводимая информантами как ‘же’, на самом деле используется не так, как её русский эквивалент (частично это объясняется её частотностью в составе некоторых коллокаций, не переводимых на русский дословно; см. [Зубова 2019]). При этом направление калькирования

(из бесермянского в русский, а не из местного варианта русского в бесермянский) подтверждается тем, что эквиваленты этих частиц в соседних языках Поволжского языкового союза, сложившегося ещё до доминирования русского языка, ведут себя примерно так же, как в бесермянском; некоторые из бесермянских частиц являются тюркскими заимствованиями.

С другой стороны, бесермянский заимствовал из местной разновидности русского энклитическую частицу *дак*, у которой отсутствовал однозначный бесермянский эквивалент. Интересно при этом, что её уровень проникновения в бесермянский намного ниже уровня проникновения эквивалентов бесермянских модальных частиц в русский.

Приложение

Таблица 1. Относительные частотности (*ирт*) бесермянских модальных частиц и их русских эквивалентов в бесермянском, бесермянском русском и стандартном устном русском

частица (бесерм.)	эквивалент (русский)	бесерм. корпус	корпус бесерм. русского	непубл. устная речь НКРЯ
<i>n' i</i>	<i>уже</i> ¹	17378	15061	4175
<i>ик</i>	<i>ведь</i>	11075	7802	690
<i>ре</i>	<i>говорит / говорят/ ре</i>	4733	4606	1285
<i>ик</i>	<i>же</i>	3644	5150	4047
<i>дак</i>	<i>дак</i>	726	3506	80

Литература

- Зубова, Ю. Н. 2019. Вариации в использовании модальных частиц в литературном удмуртском языке и в бесермянском диалекте // Урало-алтайские исследования, 4(35). С. 71–90.
- Кельмаков, В. К. 1998. Краткий курс удмуртской диалектологии. Ижевск: Изд-во Удм. гос. ун-та.
- Biryuk, Olga & Maria Usacheva. 2016. Russian in Beserman Oral Discourse: Code-mixing and Borrowing // *Dialectologia*, 17. P. 123–150.
- Matras, Yaron. 2010. Contact, convergence, and typology // *The handbook of language contact*, Oxford: Wiley-Blackwell. P. 66–85.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-512-14003 АНФ_а.

¹ Вариант *уж* носителями практически не используется.

Erika Asztalos (aszterik@gmail.com)

Research Institute for Linguistics / Eötvös Loránd University, Budapest

**When possessive suffixes are missing:
non-agreeing possessors in Udmurt predicative possessive constructions**

Эрика Асталош (aszterik@gmail.com)

*Научно-исследовательский институт лингвистики / Университет
Этвёша Лоранда, Будапешт*

**Когда не хватает possessивного суффикса:
несогласуемый объект обладания
в удмуртской предикативной possessивной конструкции**

In most Uralic languages, predicative possession is canonically expressed by an intransitive construction which falls into the category of *locational possessives* (in the terminology of Stassen 2009). In locational possessive constructions, the predicate is an existential verb, the possessor is constructed in some oblique case, and the possessee is the grammatical subject (Stassen 2009: 48–54). In some Uralic languages (e.g., in Hungarian and in Mari), the possessee agrees with the possessor in person and number by means of a possessive suffix, whereas in others the possessee usually remains unmarked (Komi-Permyak), or is always unmarked (e.g., Finnish). According to some scholars (Veenker 1967, Décsi 1967), Russian borrowed from Balto-Finnic the Uralic pattern of predicative possessive constructions, hence its *u + genitive + existential verb + possessee* construction (without any possessive suffix on the possessee, since Russian lacks such elements).

In Udmurt, the possessor (if overtly present) is in the genitive case and the possessee is canonically marked by a possessive suffix agreeing with it in person and number (1). However, when the possessor is overtly present, the possessive suffix may in some cases be absent from the possessee (2), (3). The conditions of possessive suffix drop have been left so far unclear.

In my talk, I present the results of an investigation carried out on contemporary data retrieved from the Udmurt Corpora. I examine the frequency of non-agreeing possessors, and how exactly the following parameters influence the possibility of possessive suffix drop:

- semantics of the possessive relationship expressed by the construction;
- alienability of the possessee;
- lexical properties of the possessee (whether or not it is a Russian loanword);
- semantic features of the possessor;
- lexical subclass of the possessor (noun/pronoun);
- animacy and humanness of the possessor;
- information structural factors.

I claim that the lack of possessive agreement in predicative possessive constructions encompasses two distinct phenomena in Udmurt. I argue that possessive suffix drop may be internally motivated or induced by the influence of Russian. The former type includes cases of so-called abstract possession (in the terminology of Stassen 2009), and the possessor frequently has the role of experiencer (2) or, more rarely, a locational meaning in these constructions. Russian-induced cases of possessive suffix drop, on the other hand, includes instances of prototypical, i.e., alienable,

possession as well (3). I claim that the latter case of possessive suffix drop is a more recent phenomenon than the former, as it is mainly present in contemporary texts.

The case of Komi-Permyak (which is closely related to Udmurt) supports the claim that the influence of Russian may induce the drop of possessive suffixes. Komi-Permyak, compared to Udmurt, has been more strongly affected by the influence of Russian, and possessive suffixes, in the majority of cases, are absent from the possessee in predicative possessive constructions. A possible explanation for possessive suffix drop is the influence of Russian also in the case of Komi-Permyak (see F. Gulyás 2020).

Examples

- (1) (...) *jegit nyلكyšno-len piči pinal-jos-yz vań*
young lady-GEN small child-PL-3SG be.PRS
'The young lady has small children.' (Udmurt dunne 07.06.2017)
- (2) *Noš miłam syće opyt vań.*
but 1PL.GEN such experience be.PRS
'But we have such an experience.' (Edygarova 2010: 235)
- (3) *Kule övöl, miłam t'elefon vań.*
needed be.PRS.NEG 1PL.GEN telephone be.PRS
'It's not needed, we have a telephone.' (Udmurt social media corpus, udmurteveryday)

Abbreviations

3	third person
GEN	genitive case
NEG	negative
PL	plural
PRS	present tense
SG	singular

References

- Décsy, Gyula. 1967. Is there a Finnic substratum in Russian? // *Orbis*, 16. P. 150–160.
- Edygarova, Svetlana. 2010. *Kategorija possessivnosti v udmurtskom jazyke*. Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis. Doctoral dissertation, University of Tartu.
- F. Gulyás, Nikolett. 2020. Predicative possession in Permic // Dalmi, G. & Witkoś, J. & Ceglowski, P. (Eds). *Approaches to Predicative Possession. The View from Slavic and Finno-Ugric*. London: Bloomsbury. P. 186–204.
- Udmurt dunne 07.06.2017 = <https://udmdunne.ru/2017/06/kartseh-no-pizeh-viem-nyلكyshnoosly-uslovno-kył-kutozy/> (Last accessed: 15.11.2020)
- Udmurt social media corpus = http://udmurt.web-corpora.net/udmurt_social_media/search (Last accessed: 14.11.2020)
- Stassen, Leon. 2009. *Predicative possession*. Oxford: Oxford University Press.
- Veenker, Wolfgang. 1967. *Die Frage Des Finnougrischen Substrats in der Russischen Sprache*. The Uralic and Altaic Series, 82. Bloomington: Routledge.

Влада Вячеславовна Баранова (vbaranova@hse.ru)
НИУ ВШЭ / ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

**Союзная модель сложного предложения в калмыцком языке:
контактно-обусловленное явление или независимая грамматикализация?**

Vlada Baranova (vbaranova@hse.ru)
HSE University / ILS RAS, Saint-Petersburg

**Complex sentences with conjunctions in Kalmyk
as a contact-induced change or a language-internal grammaticalization**

В языках, контактирующих с русским, встречаются прямые заимствования русских союзов, иногда с двойным маркированием прежним способом и заимствованным. Менее заметными, но более распространенными (и, возможно, более интересными) случаями являются синтаксические изменения под влиянием доминирующего языка. Например, в восточно-хантыйском отмечается постпозиция относительного оборота (вместо препозиции) под влиянием русских изъяснительных предложений, причем важно отметить, что контактная модель распространяется сначала только на часть текстов [Potanina, Filchenko 2016: 35].

В калмыцком языке практически отсутствуют случаи прямого заимствования русских союзов, по крайней мере, среди освоенных и вошедших в словарь заимствований, однако в устных текстах встречаются русские союзы. Во многих случаях не очевидно, следует ли трактовать эти союзы как переключения кодов или заимствования (см. о похожей ситуации в нанайском [Оскольская, Стойнова 2013]). В примере (1) адверсативный союз *но* используется в речи, содержащей переключения кодов.

В то же время можно рассматривать как пример грамматической интерференции распространение союзной модели сложного предложения в калмыцком языке. Традиционно монгольские языки маркируют отношения между клаузами соположением (в случае сочинительных отношений) или с помощью нефинитных форм: специализированных форм, например в калмыцком используются целевое деепричастие на *-хар*, условное деепричастие на *-хла*, или неспециализированных причастий и деепричастий с послелогом передающими адвербиальные значения. Однако для более позднего периода описания языка принято выделять класс союзов или союзообразных средств связи, восходящих к наречиям, послелогам или другим грамматикализованным элементам (2).

Хотя грамматикализация этих элементов прослеживается по письменным уже на более ранних этапах развития языка, регулярное использование в качестве союзообразных показателей относится к XX в. В докладе планируется более подробно рассмотреть причинные конструкции и возможность выражения причинных и целевых отношений с помощью разных средств, а также возможную дистрибуцию разных способов. В частности, будет рассмотрен порядок клауз и использование финитных форм.

Примеры

- (1) *Oda cag-tə uga, oda cag-tə ter*
сейчас время-DAT NEG.COP сейчас время-DAT тот
в основном корейцы *ködəl-dəg bilä,*
работать-PC.HAB быть.REM
no xaljmg-ud basə ködəl-dəg bilä
но калмык-PL тоже работать-PC.HAB быть.REM
‘Сейчас нет [бахчи], в то время там в основном работали корейцы, но
калмыки тоже работали’.
- (2) (...) *taldan sovhoz-də ir-lä-v*
чужой совхоз-DAT приходит-REM-1SG
jungad gi-xlägə sovhoz-də möngə ög-dəg bilä
почему говорить-CVB.SUCC2 совхоз-DAT деньги дать-PC.HAB быть.REM
‘Я приехал в другой совхоз. Потому что в совхозе платили деньги’.

Сокращения

CVB.SUCC — последовательное или условное деепричастие; DAT — дательный падеж;
NEG.COP — отрицательная связка; PC.HAB — хабитуальное («многократное»)
причастие; PL — множественное число; REM — отдаленное прошедшее время; SG —
единственное число.

Литература

- Оскольская С.А., Стойнова Н.М. 2013. Русские союзы в современном нанайском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. IX. Ч. 3. СПб.: Наука. С. 362–388.
- Potanina O., Filchenko A. 2016. Russian Contact-Induced Innovations in Eastern Khanty // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, 2(12). С. 27–39.

Благодарности

Исследование частично подготовлено в рамках работы над проектом "Типология механизмов взаимодействия русского языка с языками малочисленных народов России" при поддержке РФФИ, грант 17-29-09097.

Laurène Barbier (laurenebarbier812@gmail.com)
INALCO (National Institute for Oriental Languages and Civilizations), Paris

Russian influence on Upper Negidal adverbial clauses

Лорен Барбье (laurenebarbier812@gmail.com)
INALCO (Национальный институт Восточных языков и цивилизаций), Париж

Влияние русского языка на структуру адverbиальной клаузы в верховском говоре негидальского языка

In order to produce subordinate clauses, North Tungusic languages resort to non-finite verb forms such as case-marked participles and converbs, which behave as the clause predicates (Pakendorf & Aralova, 2020: 300). As for adverbial clauses, the choice of participle and converb varies with respect to the type of clause: temporal, locative, manner, purpose, circumstantial, conditional, among others. During the last two decades, many studies have shed light on evidence of Russian influence and even growing signs of attrition in Tungusic languages of Siberia. It had been argued that subordination in some of these languages was evolving toward more Indo-European-like constructions (Grenoble, 2009: 150). For example, the use of subordinating conjunctions calqued on Russian or even conjunctions borrowed from Russian alongside finite verb forms, was largely put forward in studies on contemporary Evenki, a sister language to Negidal (*ibid*: 154).

I am currently investigating Russian contact influence on Upper Negidal through the example of adverbial clauses, using a selection of 31 texts (1986 utterances). They belong to a corpus of Upper Negidal built by B. Pakendorf and N. Aralova using FieldWorks Language Explorer (FLEX) (Pakendorf & Aralova, 2017).

As part of this ongoing research, examples of Russian contact influenced adverbial clauses were in fact found, demonstrating elements of contact such as calques of Russian conjunctions occurring with finite-verb forms (1) or borrowed conjunctions (2), in line with what was described in Evenki spoken in Tura (Krasnoyarsk krai) and Iyengra (Republic of Sakha) (Grenoble, 2000 & 2009). Doubled constructions were attested as well (3).

However, preliminary results also show that surprisingly few Russian influenced adverbial clauses were attested in comparison to the total amount of native Negidal adverbial clauses. Despite the evident signs of Russian influence in Upper Negidal, this is worth noting in the light of the fact that some of the narratives of the sample were provided by speakers who show various degrees of language loss and signs of linguistic insecurity (Pakendorf & Aralova, 2018: 8). Nevertheless, many adverbial clauses produced by those now insecure speakers showed no signs of Russian influence, despite the undeniable ubiquity of Russian in day-to-day life and evidence of that influence at other levels of their language practices. Similar results were found on the little use of Russian subordinate conjunctions in the speech of Nanai speakers, in the same region as Negidal (Oskolskaya & Stoynova, 2013: 375–379). Hence, to which extent are adverbial clauses in Upper Negidal influenced by Russian? Can Russian influence on subordination be considered as evidence of attrition or a regular evolution of a language due to a sustained and on-going period of contact?

With regard to this observation, one could also wonder if the contact situation of the varieties of Evenki investigated was similar to the Negidal one, considering the fact that the former is spoken in Central Siberia, and the latter in the Lower-Amur region. In

a comparative perspective, which linguistic and sociolinguistic elements could have triggered a discrepancy between the Evenki contact situation and the Negidal one? Syntactical structures tend to require a long period of contact and bilingualism in order to change. Hence, the difference with regard to the period of contact in those two different regions of Siberia might be the beginning of an answer: the influence of Russian in Iyengra, but especially Tura was strong and stage of bilingualism might have lasted longer than that of the Lower-Amur region. Above mentioned results about Nanai speech tend to support this location and contact period hypothesis. Moreover, differences related to the context in which data were collected, attitudes of the community of speakers, and the state of the community itself, might have possibly encouraged variations and divergences as well.

In this presentation, after a short introduction on evidence of Russian contact in Upper Negidal, I will first present the data found in the above-mentioned selection of texts which match those of the present literature on the influence exerted by Russian on North Tungusic languages of Siberia, in regard to subordination, paying particular attention to the linear properties of the clauses and tense choices. I will then try to explain the differences between the two different contact situations, which might have led to the above mentioned discrepancy.

Examples

- (1) *ulgutea:n-da-j* *neko-tea-β* *nu* *bu*
tell-VS.PURP-PRFL.SG do-PST-PX.1SG PTL.R 1PL.EX
bi-n-ma-βun [...] ***okin*** *bi* *kera* ***bi-tea-β***
be-NR-ACC-1PL.EX when 1SG small.Evk be-PST-PX.1SG
« I wanted to tell about our life [...] when I was small. »
(Pakendorf & Aralova, 2017, AET_village:1)

- (2) [...] ***esli*** ***iltən-ja-t*** *taj*
if.R pass-FUT-PX.1PL.in.arch DIST
uŋun-məj *jaβ-βaj* [...] *zvoni-ja-t*
hesit-PRFL.PL dugout.canoe-PRFL.PL to.phone.R-FUT-PX.1PL.in.arch
« [...] If we pass our boat [...], we'll phone »
(Pakendorf & Aralova, 2017, APN_zabludilisj: 118)

- (3) ***esli*** *gun-ə-m* *malyševsk* ***ŋənə-mi*** [...]
if.R say-NFUT-NP.1SG geo.name go-SS.COND
« If we go to Malyshevsk [...] »
(Pakendorf & Aralova, 2017, APN_zabludilisj: 106)

Abbreviations

ABL — ablative; ACC — accusative; COMP — comparative; DIST — distal démonstratif; .Evk — Evenki; FUT — future; IN.ARCH — inclusive archaic; INCH — inchoative; LOC — locative; NEG.CVB — negative converb; NFUT — non-future; NP — non-possessive subject agreement; NR — nominalizer; OBL — oblique; PL — plural; PRFL — reflexive possessive; PST — past tense; PROX — proximal demonstrative; PTL — particle; PX — possessive subject agreement; .R — Russian; SG — singular; SS.COND — same-subject conditionnal verb; VS.PURP — variable-subject purposive converb.

References

- Grenoble L. 2000. Morphosyntactic change: the impact of Russian on Evenki // *Studies in Slavic and General Linguistics*, 28. *Languages in Contact*. Leiden: Global Oriental. P. 105–120.
- Grenoble L. 2009. Losing it in Siberia: Assessing the impact of contact // *Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*, 1(45). Chicago: Chicago Linguistic Society. P.143–159.
- Oskolskaya S. & Stoyanova N. 2013. Russkie Sojuzy v sovremennom nanajskom jazyke // Kazansky N. (Ed.). *Acta Linguistica Petropolitana*, 5(2). P.362–389.
- Pakendorf B. & Aralova N. 2017. Documentation of Negidal, a nearly extinct Northern Tungusic language of the Lower Amur. London: SOAS. Available at <https://elar.soas.ac.uk/Collection/MPI1041287>
- Pakendorf B. & Aralova N. 2018. The endangered state of Negidal: A field report // *Language Documentation & Conservation*, 12. Hawaii: University of Hawaii Press. P.1–14.
- Pakendorf B. & Aralova N. 2020. "Even and the Northern Tungusic languages // Robeets M. & Savelyev A. (Eds). *The Oxford Guide to the Transeurasian Languages*. First edition. Oxford: Oxford University Press. P. 288–304.

Mira Bergelson (mirabergelson@gmail.com)

NRU Higher School of Economics, Moscow

Andrej A. Kibrik (aakibrik@gmail.com)

Institute of Linguistics RAS / Lomonosov Moscow State University, Moscow

On the Kodiak Town variety of Alaskan Russian

Мира Борисовна Бергельсон (mirabergelson@gmail.com)

НИУ ВШЭ, Москва

Андрей Александрович Кибрик (aakibrik@gmail.com)

ИЯз РАН / МГУ, Москва

О разновидности аляскинского русского, используемой в городе Кадьяк

The Kodiak town on the Kodiak island was a ‘metropolitan city’ of Alaskan Russian for a long time. Under the name of ‘Pavlovskaya Gavan’, it was the first capital of Russian America since the very end of the 18th century. It retained its importance as a hub for the RAC economic activities ever after the capital was moved to Novo-Archangelsk (Sitka). After 1867 and till the first decades of the 20th century when other-than-Russian-speaking population started settling in the town of Kodiak, the majority of the population of the Kodiak town was speaking Russian as their first language (Daly, October 1985 report). In most cases these people, the Creoles, were bilingual, or even trilingual in Alaskan Russian, Alutiiq, and eventually, English, and could write in these languages (Oleksa 1990).

By the time when the first recordings of Alaskan Russian were made by Conor Daly who visited Kodiak in August 1985, Russian speakers from the Kodiak Archipelago were located mostly in the Kodiak town (around 20 persons), Port Lions (around 8 rememberers) and in the Ouzinkie village on the Spruce island (about 10 persons). In 2009 when Evgeny Golovko did fieldwork on Kodiak, the number of Russian speakers/rememberers decreased significantly (Golovko 2013).

In the summer of 2019, we traveled to Kodiak looking for traces of the Alaskan Russian language and culture as a part of our project on Russian linguistic and cultural heritage in Alaska. We managed to meet the very last speakers/rememberers of Alaskan Russian: Bill (Wassily) Hartman (deceased in February 2020), his sister Hazel Ardinger, and Rosabel Baldwin. Bill Hartman, born 1930, grew up as a monolingual Russian speaker. He witnessed everyday communication of his mother with her peers entirely in Russian. He went to school not knowing a word of English. Russian words and phrases recorded during 8 hours of interviews led us to conclude that there existed a specific Kodiak town variety of Alaskan Russian. It has some peculiar features in phonetics, grammar and vocabulary, different from Ninilchik Russian, the best preserved and the most documented variety of Alaskan Russian.

Phonological differences are mostly related to palatalization. In Bergelson, Kibrik (2011) we described palatalization patterns of Ninilchik Russian (NR) as compared to Standard Russian (SR). Contrary to NR, in Kodiak Town Russian (KTR) dental /d/ and nasal /n/ sounds may remain non-palatalized in front of /e/. Phonetic realization of all consonants in front of /e/ is softer than in NR. In KTR the labialized copula *bul* has an optional pronunciation as *b'il*. Also optional is the retention of unstressed /o/.

As for grammar, the case system is reduced to a higher degree than in NR, which is evident in transitive constructions: *Ya hachú parézhit' éta dóska*. The same is true of

gender agreement and tenses. To the contrary, verbal aspect differences are more articulated. Other important features include the use of polite *Vy* and patronymics.

Some differences in vocabulary include: (1) Alutiiq words not attested in NR, such as *tamúk* ‘yukola’; (2) certain local innovations: *l’it’éts* ‘airplane’, *sól’its* ‘salt’; (3) words and expressions with a localized meaning: *k’isl’iy láyda* ‘stinking beach’, *chúchila* ‘a memorial pile of rocks on top of the Pillar mountain’, and others.

These differences correspond well to what is known historically about the Russian Creole community in the Kodiak town, and the ways this place developed since 1792 when Russians established the Kodiak town. This variety of Alaskan Russian has features of more profound creolization. At the same time, it had a relatively long history of use in the urban setting, where Alaskan Russian was spoken in a broader set of functional domains compared to the Ninilchik village.

References

- Bergelson, Mira, Kibrik, Andrej. 2010. The Ninilchik Variety of Russian: Linguistic Heritage of Alaska // A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin (Eds). *Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian (Slavica Helsingensia)*. Vol. 40. P. 299–313.
- Daly, Conor. 1985. Russian field-work on Kodiak island. Unpublished manuscript.
- Golovko, Evgeny. 2013. The Russian language without Russians: 143 years after Russian America. Over the near horizon: Proceedings of the 2010 International Conference on Russian America (Sitka, Alaska, August 19--21, 2010). Sitka: Sitka Historical Society, P. 241–248.
- Oleksa, Michael. 1990. The Creoles and Their Contributions to the Development of Alaska // Smith, Barbara Sweetland and Redmond, Barnett (Eds). *Russian America: The Forgotten Frontier*. Tacoma, WA: Washington State Historical Society. P. 185–195.

Mira Bergelson (mirabergelson@gmail.com)

NRU Higher School of Economics, Moscow

Andrej A. Kibrik (aakibrik@gmail.com)

Institute of Linguistics RAS / Lomonosov Moscow State University, Moscow

Russian-Athabaskan language contact in the Kenai peninsula

Мира Борисовна Бергельсон (mirabergelson@gmail.com)

НИУ ВШЭ, Москва

Андрей Александрович Кибрик (aakibrik@gmail.com)

ИЯз РАН / МГУ, Москва

Русско-атабаскские языковые контакты на Кенайском полуострове

Among the Alaskan ethnic and linguistic groups that came into contact with Russian and Russians by the end of the 18th century, the only Athabaskan group was Dena'ina, living around the Cook Inlet. Henceforth the contact between the two languages was intensive. James Kari, the author of a comprehensive Dictionary of Dena'ina Athabaskan (Kari, 2019), writes, “During most of the 19th century Russian was spoken as throughout Cook Inlet. Kodiak and Kenai were the center of Russian influence with Orthodox churches and stores with trade items. Many Dena'ina learned Russian as a second language or they used many Russian words.” (Version 2.6, 2017, p. 254). We here focus on the Outer Inlet, or Kenai, dialect of Dena'ina. The modern name of the Dena'ina tribe residing in this territory is Kenaitze, a Russian term coined during the period of active contact.

In the Kenai peninsula, the location where Russian was spoken most persistently is the Ninilchik village; it was established in 1847 as a settlement for the families of the Russian-American company retirees, and there are still some speakers alive. Ninilchik is located in the original Kenaitze territory. Ninilchik Russian (NR) has very few traces of language contact with Dena'ina, see Bergelson et al. 2017. Much more profound was the influence of Russian upon Dena'ina. By 1970s, that is in about a century after Russia lost its interests in Alaska to the United States, the Dena'ina language had kept about 750 loan words of which an overwhelming majority were Russian. This figure is growing in accordance with our growing knowledge of the data; cf. analysis in Sheina, Sidorina (2020). Note that various dialects of Dena'ina differed significantly in the number of Russian loans, and such number is a good predictor of the degree of the Russian-Dena'ina contact (Kari, *ibid*).

Among the Russian loans registered in Outer Inlet Dena'ina, Kari distinguished between two categories: the first one is general loans, and the second one is Russian words found in the Dena'ina speech of Fedosia Sacaloff, one of the last proficient speakers of the dialect. The words of this latter category were not familiar to other speakers, which may be related to the fact that Fedosia was actively bilingual in Russian and could converse with the Ninilchik residents. However, these are not instances of code mixing, but well assimilated Dena'ina words.

Kari's (2013, 2019) lexical data on Russian loans can be used as a rich resource helping to discover new lexical items in NR. Fedosia's words (there are 129 of those) clearly come from Kenai Russian, and 75 of those words were recognized by our Ninilchik consultants. As for the general loans, there are two potential sources: Continental Russian that sounded on the shores of Cook Inlet till 1867 and somewhat longer; and Kenai Russian, acquired by bilingual Kenaitze people beginning from

mid-19th century. The goal of telling apart these two groups of loans is interesting, even though not fully attainable. Anyhow, the knowledge of Russian loans in Dena'ina helps to expand our knowledge of NR vocabulary substantially.

We thus make two methodological points. First, one must recognize various statuses of loanwords, including the status of idiolectal loans. Second, there is an interesting dynamics in the research of two moribund languages: documentation of one of them helps to pry out lexical material belonging to the other, by way of a kind of a rebound effect.

References

- Bergelson, Mira; Kibrik, Andrej A.; Leman, Wayne; Raskladkina, Marina. 2017. *Ninilchik Russian Dictionary*. Anchorage, Minuteman Press.
- Kari, James. 2013. *Dena'ina Topical Dictionary*, Alaska Native Language Center, University of Alaska, Fairbanks. 370.
- Kari, James. 2019. *Dena'ina Stem/Morpheme Dene Dictionary*. *Dena'ina Loan Word Appendix*, Vers. 2.6. *Dena'inaq' Titaztunt*& Alaska Native Language Center. 58.
- Sheina, I.M.; Sidorina, E.I. 2020. Russian Borrowings in the Aleutian and Den'aina Languages: Causes and Assimilation. *First International Volga Region Conference on Economics, Humanities and Sports (FICEHS 19)*. Available from: https://www.researchgate.net/publication/339194717_Russian_Borrowings_in_the_Aleutian_and_Den'aina_Languages_Causes_and_Assimilation [accessed Nov 30 2020].

Мария Михайловна Брыкина (m.brykina@gmail.com)
Университет Гамбурга / Институт мировой культуры МГУ, Москва

**Русские заимствования в диалектах селькупского языка:
корпусное исследование**

Maria Brykina (m.brykina@gmail.com)
University of Hamburg / Moscow State University, Moscow

Corpus Study of Russian Borrowings in Selkup Dialects

Селькупские диалекты различаются довольно существенно на всех языковых уровнях, в том числе и по степени влияния на них русского языка. Цель настоящей работы — сравнить встречаемость конкретных групп русских заимствований в речи носителей северных, центральных, кетских и южных диалектов в фиксированный период времени. Материалом для исследования послужили тексты из архива А.И. Кузьминой, собранного ей в 1960-1970-е гг. в различных местах проживания селькупов. В настоящее время тексты из этого архива преобразуются в глоссированный корпус [Brykina et al. 2020], см. Таблицу 1 (для настоящего исследования мы исключили из корпуса переводные тексты и отделили чаинский диалект, от единственного носителя которого в корпусе содержится довольно много записей). В Таблице 2 приводятся данные по разным типам заимствований, для наглядности представленные в виде количества заимствований в пересчёте на 10 000 словоупотреблений. Конечно, ограниченность корпуса не позволяет говорить о полноценном описании, но некоторые тенденции, как нам кажется, проследить все же можно.

Как видно из Таблицы 2, северный диалект селькупского по состоянию на 1960-1970-е гг. в наименьшей степени подвергся влиянию русского языка. За исключением культурных заимствований, относительно частотны в речи практически всех записанных А. И. Кузьминой носителей только заимствованные сочинительные союзы (см. [Ильина 1976; Кузьмина, Ильина 1974]), хотя и они встречаются несравненно реже, чем у носителей других диалектов. Кроме того, в северных диалектах используется предикатив *пэ:тна* (нужно) и частица *п'и* для образования отрицательных местоимений. Один из редких примеров заимствования, встречающегося в северных (и центральных) диалектах, но, по нашим данным, нераспространенного в кетских и южных, — частица *мол*, при этом именно северные диалекты располагают активно используемыми собственными эвиденциальными частицами (*момра*, *мита*). Все эти примеры фиксируются и в грамматике [Кузнецова и др. 1980], основанной на данных, записанных в тот же временной период, но у других носителей.

На следующей ступени по степени влияния русского языка находятся кетские диалекты, в основном, впрочем, за счет более активного использования тех же союзов. Кроме того, носители кетских диалектов несколько чаще употребляют русские дискурсивные маркеры, а также заимствовали местоимение *wes* (всё, все, весь) и частицу *бы* как маркер ирреалиса.

Речь носителей центральных и южных диалектов в большей степени насыщена русскими дискурсивными элементами (*вот, же, ну...*), фазовыми и временными наречиями (*уже, ещё, потом, теперь...*). Частица *dawaj* может использоваться и для (дополнительного) маркирования гортатива, и как инхоатив.

Некоторые носители используют русское *нету* вместо селькупского *t'ängwa*, а также русский предлог *через*.

В области синтаксиса также есть несколько явлений, которые, возможно, связаны с большим влиянием русского языка на центральные и южные диалекты. В этих диалектных группах почти в два раза чаще, чем на севере, встречается порядок (S)VO, при базовом для селькупского языка порядке SOV. В конструкциях цели с глаголами движения на севере используется деепричастие на *-lä*, а в южных и центральных диалектах — соответствующая русской конструкция с инфинитивом.

Приложение

Таблица 1. Объем корпуса INEL для разных диалектов (без переводных текстов)

Диалект(ы)	Число носителей	Количество токенов
северная группа (N)	22	19950
центральная группа (C)	10	3116
кетские диалекты (S-K)	21	7750
южная группа (обские диалекты) (S-Ob)	11	9718
чаинский диалект (S-Ch)	1	6709

Таблица 2. Количество заимствований в пересчёте на 10 000 словоупотреблений для разных диалектов. В скобках приведено количество соответствующих лексических единиц.

Группы заимствований		N	C	S-K	S-Ob	S-Ch
Союзы	сочинительные	37 ⁽⁴⁾	315 ⁽³⁾	283 ⁽⁴⁾	583 ⁽⁵⁾	628 ⁽⁵⁾
	подчинительные	3 ⁽⁵⁾	51 ⁽⁶⁾	15 ⁽⁵⁾	27 ⁽⁶⁾	46 ⁽⁷⁾
Дискурсивные маркеры (частицы, междометия), фазовые наречия		6 ⁽⁹⁾	132 ⁽⁹⁾	30 ⁽¹¹⁾	126 ⁽¹²⁾	94 ⁽¹²⁾
Показатели модальности (вводные слова и предикативы)		6 ⁽²⁾	80 ⁽⁴⁾	15 ⁽³⁾	10 ⁽⁴⁾	78 ⁽⁴⁾
Квантификаторы (<i>каждый, все, ...</i>)		0	109 ⁽²⁾	34 ⁽³⁾	37 ⁽²⁾	101 ⁽³⁾
Показатели грамматических категорий	наклонение	0	10 ⁽²⁾	3 ⁽¹⁾	9 ⁽²⁾	61 ⁽³⁾
	неопределенные и отрицательные мест.	4 ⁽²⁾	0	8 ⁽²⁾	16 ⁽¹⁾	15 ⁽²⁾
	прочие	0	42 ⁽⁵⁾	3 ⁽¹⁾	36 ⁽²⁾	1 ⁽¹⁾
<i>мол</i>		9	3	0	0	0
Всего		65	742	391	844	1024
«Знаменательная» лексика	базовая	7 ⁽¹¹⁾	363 ⁽³²⁾	17 ⁽⁶⁾	62 ⁽³⁰⁾	285 ⁽⁵³⁾
	культурная	117	375	241	142	520

Литература

- Ильина Л.А. 1976. Об употреблении заимствованных русских союзов в селькупском языке // Языки и топонимия. Томск. С. 52–55.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. 1980. Очерки по селькупскому языку (Том 1). Изд-во Московского ун-та.
- Кузьмина А. И., Ильина Л. А. 1974. К вопросу о русских заимствованиях в селькупском языке // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск. С. 72–82.
- Brykina, Maria; Orlova, Svetlana; Wagner-Nagy, Beáta. 2020. INEL Selkup Corpus. Version 1.0. Publication date 2020-06-30. Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-E1D5-A> // Wagner-Nagy, Beáta; Arkhipov, Alexandre; Ferger, Anne; Jettka, Daniel; Lehmborg, Timm (Eds.) The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages.

Благодарности

Работа выполнялась в рамках исследовательской Программы Академий, совместно финансируемой Федеральным правительством Германии и Федеральными землями, при участии Федерального министерства образования и научных исследований и Вольного и ганзейского города Гамбурга. Программа Академий координируется Союзом Академий наук Германии.

Елизавета Леонидовна Бунина (uplyla@gmail.com)
ОТУШЛ МГУ, Москва
Илья Михайлович Егоров (i.m.jegorow@gmail.com)
ШАГИ РАНХиГС, Москва

**Русизмы в мазурском (польском) переселенческом говоре в Южной Сибири:
калькирование, этимологическая нативизация
или фонетическая адаптация?**

(For English version see below)

Настоящий доклад посвящен проблеме интеграции лексических русизмов в систему одного польского переселенческого говора, обследованного в 2013 году в ходе экспедиции РГГУ. Его носители добровольно переселились в Южную Сибирь на рубеже XIX и XX веков. Генетически говор восходит к мазурской подгруппе мазовецкого диалекта. В настоящий момент около 50 носителей проживает в селе Знаменка Боградского района республики Хакасия и в деревне Александровка Краснотуранского района Красноярского края. Таким образом, этот говор более века существует в тесном контакте с русским языком. Близкое родство определяет специфику взаимодействия контактирующих языков и ставит перед исследователем ряд специфических проблем, одна из которых и будет рассмотрена в рамках доклада.

1. Регулярные фонетические соответствия между языками могут возникать в двух случаях: 1) при языковом родстве, т.е. как результат развития фонем праязыка; 2) при языковых контактах, т.е. как результат фонетической адаптации. Специфический случай фонологической адаптации, наблюдаемой при контакте близкородственных языков — этимологическая нативизация (термин введен Хансом Хоком [1986: 392–393]). При этимологической нативизации адаптация заимствований происходит по правилам идентичным историческим соответствиям. Подробно этот феномен рассмотрен Антэ Аикио [2006] на примере финского и саамского. Адаптации русизмов в польских и чешских переселенческих говорах на территории России были посвящены исследования Натальи Ананьевой [2013], в том числе совместно с Сергеем Скорвидом [2018], Евгения Ступиньского [2009] и Дмитрия Полякова [2014]. В данных работах всякое соответствие в заимствованной лексике рассматривается как результат пофонемного пересчета. В рамках настоящего доклада мы предлагаем альтернативный анализ механизмов интеграции русизмов в систему польского переселенческого говора.

2. Ананьева [2018: 283] интерпретирует примеры (1-3) как фонологическую адаптацию:

- (1) *ot-mec-a-l-i* < рус. *от-меч-а-л-у* /atm'ič' a'l'i/
- (2) *u-grobž-i-l-i* < рус. *у-гроб-у-л-у* /ugr' ob'i'l'i/
- (3) *fstreč-i-l-i* < рус. *встрет-у-л-у* /fstr' et'i'l'i/

На морфемном шве, претерпевающем обработку (применяя данный термин, мы следуем [Поливанова 2013]), результат адаптации совпадает с историческими соответствиями: рус. *č* / пол. диал. *c*; рус. *b^j* / пол. диал. *bž*; рус. *ř* / пол. dial. *č*. В частях морфемы, не подверженных морфонологическим чередованиям, адаптация не следует системе исторических соответствий: рус. *m^j* > пол. диал. *m* (исторически ожидается *ń ~ n^j*); рус. *r^j* > пол. диал. *r* (исторически ожидается *ř*). Это указывает на то, что “исторические соответствия” при адаптации заимствований — результат не пофонемной субституции,

а морфонологической адаптации. Кроме обрабатываемых морфемных швов исторические соответствия наблюдаются в ограниченном количестве словоизменительных и деривационных морфем, ср. примеры (4-5):

(4) *při-cerš-un-a* < рус. *прицеплена* /pɾ'ic'epʲinə/

(5) *ob-m'an-es* < рус. *обманешь* /abm'an'iš/

Примеры (4-5) следует интерпретировать как результат субституции на уровне морфем. В остальных случаях заимствования адаптируются согласно системе соответствий, отклоняющейся от системы, представленной в истинных исторических когнатах, ср. примеры (1, 3, 6-7). Как видно из примеров (8-9) фонетическая адаптация является факультативной:

(6) *derevn'a* < рус. *деревня* /d'ir'evn'ə/

(7) *vera* < рус. *вера* /v'ɛrə/

(8) *int'iresno* < рус. *интересно* /int'ir'esnə/

(9) *p'ens'ija* < рус. *пенсия* /p'ens'ijə/

3. Можно выделить еще одну особую группу заимствований (10-12), особенность которой состоит в том, что остается непонятным, была ли поморфемно воспроизведена русская структура или произошел семантический сдвиг под влиянием значения русского когната. О семантическом сдвиге можно говорить, поскольку в этих случаях лексемы с идентичной морфемной структурой уже должны были существовать в исходном польском говоре. Однако поморфемное воспроизведение русской модели, т.е. калькирование, также нельзя полностью исключить.

(10) *ros-kas-ta* < рус. *рас-скаж-у-те* — ср. пол. лит. *rozkazać* ‘приказать’

(11) *xlip u-bżer-a-l-i* < рус. *хлеб у-бир-а-л-и* — ср. пол. лит. *ubierać* ‘надевать’

(12) *vesela pše-choż-i-l-i v domu* < рус. *свадьбы дома про-ход-у-л-и* — ср. пол. лит. *przechodzić* ‘проходить (мимо)’

4. Эффект этимологической нативизации русизмов в польском переселенческом говоре достигается посредством субституции морфем, а не отдельных фонем, и применения морфонологических правил. В докладе будет представлен список собственно фонетических соответствий, соответствий на уровне морфем, и морфонологических альтернатив, которым подвергаются русизмы. На основании корпусных данных будет оценена регулярность фонетической адаптации.

Литература

- Ананьева Н.Е. Типология польских говоров Сибири и результаты их контактов с русскими идиомами // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск. М., 2013. С. 467–478.
- Ананьева Н.Е., Сквид С.С. Островные западнославянские диалекты на территории России // XVI Международный съезд славистов. Белград. М. 2018. С. 269–300.
- Поливанова А.К. Старославянский язык: Грамматика. Словари. М., 2013.
- Поляков Д.К. Интерференционные процессы и гибридизация в переселенческих говорах // Гибридные формы в славянских культурах / Отв. ред. Н.В. Злыднева. М., 2014. С. 132–147.
- Aikio A. Etymological nativization of loanwords: A case study of Saami and Finnish. // Ida Toivonen & Diane Nelson (eds.), Saami Linguistics (Current Issues in Linguistic Theory 288), P. 17–52. Amsterdam, Philadelphia, 2007.
- Hock H.H. Principles of Historical linguistics. Berlin. 1986.
- Stupiński E. Wpływy wschodniosłowiańskie na polszczyznę okolic Krasnojarska in Rozprawy Komisji językowej ŁTN, B. LIV, Łódź, 2009. S. 197–204.

Elizaveta L. Bunina (uplyla@gmail.com)

Department of Theoretical and Applied Linguistics, Moscow State University, Moscow

Ilya M. Egorov (i.m.jegorow@gmail.com)

*School for Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Moscow*

**Russian loans in the Mazurian (Polish) immigrant dialect in Southern Siberia:
loan translation, etymological nativization, or phonological adaptation?**

The present talk deals with the problem of integration of Russian borrowings into the system of one Polish immigrant dialect. The material on this dialect was recorded during the fieldwork of the Russian State University for Humanities in 2013. Ancestors of the present-day speakers voluntarily migrated into South Siberia in 1890th. This dialect genetically goes back to the Mazurian subgroup of the Masovian dialect. About 50 speakers currently dwell in the village of Znamenka (Bogradsky district, Republic of Khakassia) and in the village of Alexandrovka (Krasnoturansky district, Krasnoyarsk Krai). So the studied lect remains in the situation of intensive contact with Russian for more than a hundred years. Close genetic relationship of the languages determines specific features of outcome of this contact and poses a range of specific problems. One of them will be considered in this talk.

1. Regular phonological correspondences between languages can be observed in two cases: 1) languages are genetically related, i.e. it is a development of phonemes of a proto-language; 2) languages are in contact, i.e. it is a result of phonological adaptation. A specific case of the phonological adaptation which can be observed when related languages contacting each other is known as etymological nativization (the term was proposed by Hans Hock [1986: 392–393]). When one deals with etymological nativization, phonological adaptation follows the rules identical to historical correspondences. A good example of this phenomenon is Ante Aikio's detailed study [2006] of the Finnish and Saami. Adaptation of the Russian loans in Polish and Czech immigrant dialects was considered in Natalia Ananieva's works, including one with Sergei Skorvid [Ananieva 2013; Ananieva & Skorvid 2018], as well as in Eugen Stupinski's [2009] and Dmitri Poljakov's [2014] ones. These authors treat all correspondences in borrowing lexemes as a result of phoneme by phoneme substitution. In the present talk, the mechanism of the integration of Russian borrowings into the system of the Polish immigrant dialect will be reconsidered.

2. Ananieva and Skorvid [2018: 283] prefer to interpret the examples (1-3) as phonological adaptation:

(1) *ot-mec-a-l-i* < Rus. *ot-meč-a-l-i* /atm'ič' al'i/ 'they celebrated'

(2) *u-grobž-i-l-i* < Rus. *u-grob-i-l-i* /ugr'ob'i'l'i/ 'they ruined'

(3) *fstreč-i-l-i* < Rus. *vstret-i-l-i* /fstr'et'i'l'i/ 'they met'

On the morpheme borders which undergo morphophonological alternations the result of adaptation fits historical correspondences: Rus. *č* / Pol. dial. *c*; Rus. *b^j* / pol. dial. *bž*; Rus. *t^j* / Pol. dial. *č*. However, adaptation does not follow the system of historical correspondences in the parts of morphemes which does not undergo alternations: Rus. *m^j* > Pol. dial. *m* (instead of historically expected *n̄ ~ n^j*); Rus. *r^j* > Pol. dial. *r* (instead of historically expected *ř*). This fact points out that „historical correspondences” in the adopted borrowings are not the result of the phoneme by phoneme substitution, but the one of the morphophonological adaptation. Except for the alternations on the morpheme borders such historical correspondences are observed in the limited set of inflectional and derivational morphemes, cf. the examples (4-5):

(4) *při-cepš-un-a* < Rus. *priceplena* /pʁic'epʃinə/ 'attached'

(5) *ob-m'an-es* < Rus. *obmaneš'* /abm'an'iš/ 'you will cheat'

The examples (4-5) must be considered the results of substitutions on the morpheme level. In other cases, borrowings are adopted according the rules different from historical correspondences, cf. the examples (1, 3, 6-7). As can be seen from the examples (8-9) phonological adaptation is facultative:

(6) *derevnja* < Rus. *derevnja* /dʲir'evnʲə/ 'village'

(7) *vera* < Rus. *vera* /vʲ'erə/ 'faith'

(8) *int'iresno* < Rus. *interesno* /int'ir'esnə/ 'interesting'

(9) *p'ensija* < Rus. *pensija* /p'ensʲijə/ 'pension'

3. One more group of loans (10-12) can be distinguished. Characteristic for this group is that it remains unclear whether these borrowings demonstrate morpheme by morpheme translation (i.e. calque or loan translation) or a semantic shift under the influence of Russian cognates. One can speak about a semantic shift since the lexemes with the identical morpheme structure should already have existed in the Mazurian dialect on the original territory. However, a replication of the Russian derivational pattern with the Polish morphemes also cannot be excluded.

(10) *ros-kas-ta* < Rus. *ras-skaž-i-te* 'tell' — cf. standard Pol. *rozkazać* 'to command'

(11) *xlip u-bžer-a-l-i* < Rus. *xleb u-bir-a-l-i* 'harvested wheat'— cf. standard Pol. *ubierać* 'to put on'

(12) *vesela pše-χoź-i-l-i v domu* < Rus. *svad'by doma pro-xod-i-l-i* 'weddings were celebrated at home' — cf. standard Pol. *przechodzić* 'to pass by'

4. The effect of etymological nativization is achieved in the Polish immigrant dialect by the substitution of morphemes but not individual phonemes and by the application of the morphophonological rules. Lists of the purely phonological correspondences, the correspondences on the morpheme level, and morphophonological alternations attested in the Russian borrowings will be presented in the talk. The regularity of phonological reconstruction will be estimated on the basis of corpus data.

References

- Aikio A. Etymological nativization of loanwords: A case study of Saami and Finnish. // Ida Toivonen & Diane Nelson (eds.), *Saami Linguistics (Current Issues in Linguistic Theory 288)*, PP. 17–52. Amsterdam, Philadelphia, 2007.
- Ananieva N.N. Tipologija pol'skix govorov Sibiri i rezul'taty ix kontaktov s russkimi idiomami [Typology of the Polish dialects in Siberia and results of their contacts with Russian lects] in *Slavjanskoe jazykoznanie. XV Meždunarodnyj s'ezd slavistov. Международный съезд славистов. Minsk. [The 15th International Congress of Slavists. Minsk]* Moscow, 2013. PP. 467–478.
- Ananieva N.N., Skorvid S.S. Ostrovnye zapadnoslavjanskije dialekty na territorii Rossii [West-Slavic island dialects in Russia] in *XVI Meždunarodnyj s'ezd slavistov. Belgrad. [The 16th International Congress of Slavists. Belgrade]* Moscow. 2018. PP. 269–300.
- Hock H.H. *Principles of Historical linguistics*. Berlin. 1986.
- Poljakov D.K. Interferencionnyje processy i gibridizacija v pereselenčeskix govorax [Interferential processes and hybridization in immigrant dialects] in *Gibridnye formy v slavjanskix kulturax [Hybrid forms in the Slavic cultures]*. Moscow, 2014. PP. 132–147.
- Stupiński E. Wpływy wschodniosłowiańskie na polszczyznę okolic Krasnojarska [East-Slavic influences on the Polish language in the Krasnojarsk region] in *Rozprawy Komisji językowej ŁTN [Dissertations of Language Committee of Lodz Learned Society]*, Vol. LIV, Łódź, 2009. PP. 197–204.

Виктория Макаровна Егодурова (egodurova52@mail.ru)
Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, кафедра русского языка и общего
языкознания, Улан-Удэ

Влияние русского языка на внутривидовое развитие бурятского языка

(For English version see below)

Процесс взаимодействия русского и бурятского языков с начала встречи русских и бурят в 60–70-ые годы XVII в. в Бурятии исследован в лингвистической литературе в разных аспектах, тема эта не нова [См.: Литература]. Как показывают исследования, в бурятском языке появились заметно выраженные черты влияния на него русского языка, проявляющиеся на разных уровнях языковой системы. В трудах ученых рассматриваются фонетические, лексико-семантические изменения во внутренней системе бурятского языка, объясняемые воздействием законов русского языка, затрагиваются и некоторые грамматические особенности влияния русского языка. Кратко резюмируя результаты трудов ученых с 30-ых по 70-ые годы XX в., можно отметить следующие основные признаки, отражающие процесс постепенной трансформации бурятского языка:

1) Фонетическая система бурятского языка пополнилась новыми звуками, обозначаемыми буквами: В, Ф, К, Ц, Ч, Щ. Заимствованные русские слова с этими звуками, отсутствовавшими в бурятском языке, входят в бурятский язык без изменения в произношении. Часть русских слов входит в бурятский язык с сохранением силового ударения, свойственного русским словам, без замены на долгие гласные.

2) Лексический состав бурятского языка пополнился огромным количеством заимствованных из русского языка слов. Описаны процессы семантического, словообразовательного (в том числе калькированного) освоения русских слов и способы образования слов разных частей речи. Рассмотрены кальки русских фразеологизмов, пополнившие состав бурятских фразеологизмов.

В последние годы появились исследования русско-бурятского двуязычия в социолингвистическом аспекте, показывающие преобладающее знание русского языка бурятами (см. [Хилханова 2007; Дырхеева и др. 2009; Дырхеева 2017]), сужение функций бурятского языка, вытеснение бурятского языка на территории расселения коренных жителей в Байкальском регионе.

По нашим наблюдениям, наряду с описанными явлениями, происходят дальнейшие изменения в бурятском языке, проявляющиеся прежде всего в разговорной речи. Начал формироваться своеобразный смешанный бурятско-русский язык, который используется как язык коммуникации внутри бурятского сообщества. См. ниже примеры, взятые из переписки в Вайбере в сообществе «Арадай арга» («Народная медицина»).

Приведенные примеры показывают, что речь представляет собой смешение русских и бурятских слов (пр.: а, б, в, г, д), слов с русской основой, но с бурятскими словоизменительными аффиксами падежа, числа существительных (*ткань-да*, *мешог-оор*, *капуст-ын*, *мыл-ээр*, *пенси-тэ*), аффиксами прилагательных (*хлопчатобумажн-а*, *целлофанов-а*, *хозяйственн-а*), которые выступают средством связи между словами; аффиксами глагольных форм (деепричастий: *впитывайлг-аад*, *мылд-ээд*, словообразовательными: *-лг*, *-д*) и др. В одном предложении употребляются фрагменты из русских и бурятских

выражений (пр.: в, д), в абзаце встречаются русские и бурятские предложения (пр.: г, д). Иногда в речи употребляются целые предложения, содержащие словоформы, образованные на базе русских слов с грамматическими аффиксами бурятского языка. Например: *Кошкамнэ стол дэрэ прыгнуудлэд молокоё разливадла. 'Наша кошка прыгнула на стол и разлила молоко'*.

В настоящее время наблюдается широкое распространение такого смешанного языка, что свидетельствует о языковом сдвиге в бурятском языке. Тем не менее это бурятский язык, имеющий структурные черты бурятской разговорной речи, вобравший в себя из русского языка множество элементов, слов, но перерабатывающий их бурятами-билингвами в процессе коммуникации, и непонятный одноязычным носителям русского языка. Он сохраняет типологические черты агглютинативного строя языка в морфологии, в парадигме словоизменительных форм. К факторам идентификации бурятского языка относятся также уникальные интонационные особенности языка, которые не позволяют спутать его ни с каким другим языком. Явление смешанной речи объясняется стремлением языка к выживанию в условиях активного внедрения русского языка как более престижного во все сферы деятельности на территории Байкальского региона.

Примеры

Марина: При мастите что помогает? А) *Компресс, архяар хлопчатобумажна тканьда, чтоб урдаха үгы и сверху целлофанова мешогоор хушаад, сверху дулааханаар хушаад уяха, утром тэрэтнай хаташоод байха впитывайлгаад, жэн табиха, халхи абажа болохо үгы. 'Компресс, водку на хлопчатобумажную ткань, чтоб не растекалась и сверху обернуть целлофановым мешком, сверху укрыть чем-н. теплым, обвязать, утром это место, впитав компресс, засохнет, после надо беречься от ветра'*.

Как лечить чирий? Б) *Капустын набишаа хозяйственна мылээр мылдээд — приложить. 'Капустный лист намылить хозяйственным мылом и приложить'*.

В) *Бага пенситэ хугшэд убгэд не имеем права болеть. Здоровья всем! 'Женщины, мужчины с маленькой пенсией, не имеем права болеть!'*

Г) *В гостях узнала очень интересный рецепт из глубин арадай арга. Рецепт для повышения гемоглобина, нормализует артериальное давление, помогает повысить иммунитет. Бугын гу али хандагайн зурхэ хургоод, досоохи шуһыень гаргаад, шэл аягасоо хэд хатаагад (ставили на печку, быстрее высыхает). Потом в порошок и начинать пить с теплой водой порошок на кончике ножа. Потихоньку добавляя до чайной ложки. 'Сердце оленя или лося охладить, выпустив кровь, положить для сушки в стеклянную чашу...'*

Д) *Сайн байна, может, кто знает контакты Сахарова Михаила Васильевича — массажиста? Хэлэжэ, бэиэжэ үгыт даа. 'Здравствуйте, ... Скажите, напишите, прошу'*.

Литература

Боржонова А.Н. К вопросу о влиянии русского языка на бурятский // Бурятоведческий сборник. Иркутск, 1927. Вып. 3–4. С. 17–30.

Бертагаев Т.А. О заимствованных русских словах в бурятском разговорном языке // Зап. Института культуры. Вып. 1. Улан-Удэ, 1935.

- Бертагаев Т.А. Влияние русского языка на развитие фонетической системы бурят-монгольского языка // Уч. зап. БМГПИ. Вып. 1. Улан-Удэ, 1947.
- Бертагаев Т.А. Влияние русского языка на развитие смысловой системы литературного бурят-монгольского языка // Сб. тр. по филологии. Вып. 1. Улан-Удэ, 1948. С. 31–77.
- Алексеев Д.А. Обогащение словарного состава бурят-монгольского литературного языка за советский период // зап.ВМНИИК. Вып. XX, Улан-Удэ, 1955.
- Черемисов К.М. О ранних заимствованиях в бурятском языке // Свет над Байкалом, 1956, № 4.
- Цыдендамбаев Ц.Б. Влияние русского языка на развитие бурятского // Тр. БКНИИ. Вып. 1, Улан-Удэ, 1959. С. 100–111.
- Хомонов М.П. Русские заимствованные слова в улигерной поэтике бурят // Труды БКНИИ СО АН СССР. Вып. 1, г. Улан-Удэ, 1959.
- Баранников И.В. К вопросу об освоении бурятами русских звуков // Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху, Улан-Удэ, 1965.
- Золхоев В.И. Взаимовлияние звуков в потоке речи (на материале бурятского и русского языков) // Тр. Иркут. ун-та. Сер. языкознание. 1965. Т. 86, вып. 2. С. 5–9.
- Будаев Ц.Б., Калашников П.Ф. О некоторых русских заимствованиях в бурятском языке дореволюционного периода // К изучению бурятского языка, Улан-Удэ, 1969.
- Дондуков У.-Ж.Ш. Влияние русского языка на развитие и обогащение лексического состава бурятского языка. Улан-Удэ, 1974. 100 с.
- Цыденжапов Ш.-Н.Р. Влияние русской фразеологии на развитие фразеологической системы бурятского языка // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978. С. 76–78.
- Шагдаров Л.Д. О возрастании роли русского языка в развитии национально-русского двуязычия в Бурятии // Исследования по бурятской филологии. Улан-Удэ, 1978. С. 3–10.
- Цыдендамбаев Ц.Б. К взаимовлиянию русского и бурятского языков // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978. С. 49–54.
- Хилханова Э.В. Некоторые лингвистические следствия и механизмы переключения кодов в речи бурят-билингвов // Вестн. Чит. гос. ун-та, 2007. № 6 (51). С. 114–121.
- Бурятский язык в поликультурном пространстве (социолингвоисторическое исследование) / Г.А. Дырхеева, Н.Б. Даржаева, Ц.Ц. Бальжинимаева и др. Улан-Удэ, 2009. 232 с.
- Дырхеева Г.А. Живая речь в Бурятии: к проблеме изучения (социолингвистический обзор) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 45. С. 77–88.

Victoria Makarovna Egodurova (egodurova52@mail.ru)
D. Banzarov Buryat State University, Department of Russian Language and General
Linguistics, Ulan-Ude

The influence of the Russian language on the internal rastructural development of the Buryat language

The process of interaction between the Russian and Buryat languages started in Buryatia in the 60–70s of the XVII century, when Russians faced with Buryats for the first time. It has been studied in linguistic literature in various aspects, this topic is not new (see References). As the papers cited show, notable contact-induced changes, manifested at different levels of the language system, are attested in Buryat. The papers report phonetic, lexical and semantic changes in the system of the Buryat language caused by the influence of Russian. Some grammatical features influenced by Russian were also mentioned. Briefly summarizing the results of the studies conducted by linguists from the 30s to the 70s of the XX century, the following main features can be noted that reflect the process of gradual transformation of the Buryat language.

1) The phonetic system of Buryat was replenished with new sounds designated by the letters: В, Ф, К, Ц, Ч, Щ. Borrowed Russian words with these sounds, which were absent in Buryat, are included in the Buryat language without changes in pronunciation. Some of the Russian words are included in Buryat with the preservation of the dynamic accent inherent in Russian words, without replacing stressed vowels with Buryat long vowels.

2) The vocabulary of Buryat was replenished with a huge number of words borrowed from Russian. The processes of semantic and morphological adaptation of Russian words (including lexical calques) and ways of integrating loanwords belonging to different parts of speech were described. There are also studies on new idioms calquing Russian ones, which were integrated into the system of Buryat phraseological units.

In recent years, studies considering Russian-Buryat bilingualism in the sociolinguistic aspect have appeared. They report the predominant knowledge of the Russian language by the Buryats (see Khilkhanova 2007; Dyrheeva et al. 2009; Dyrheeva 2017), the narrowing of the functions of the Buryat language, the displacement of the Buryat language in the territory of the settlement of indigenous people in the Baikal region.

According to our observations, along with the described phenomena, there are further changes in Buryat, manifested primarily in colloquial speech. A peculiar mixed Buryat-Russian language began to form, which is used as a language of communication within the Buryat community, cf. examples a-e below, taken from the correspondence in the Viber community “Aradai arga” (“Folk medicine”).

The examples show that speech is a mixture of Russian and Buryat words (ex.: a, b, c, d, e), words with a Russian stem, but with Buryat case and number nominal inflectional affixes (*ткань-да* [fabric-INFL], *мешог-оор* [bag-INFL], *капуст-ын* [cabbage-INFL], *мыл-ээр* [soap-INFL], *пенси-тэ* [pension-INFL]), adjective affixes (*хлопчатобумажн-а* [cotton-ADJ], *целлофанов-а* [cellophane-ADJ], *хозяйственн-а* [economic-ADJ]), which act as a means of marking relations between words; verbal affixes (gerunds: *впитывайлг-аад* [absorbing-GER], *мылд-ээд* [wash-GER], derivational: -лг, -д), etc. Within one sentence, fragments from Russian and Buryat expressions can be used (ex.: c, e). Within one paragraph, both Russian and Buryat

sentences can co-occur (ex.: d, e). Some uses are attested in which the whole sentence consist of Russian stems marked with Buryat grammatical affixes, cf.: *Кошкамнэ стол дэрэ прыгнуудлэд молокоё разливадла.* [Cat-INFL table on.Buryat/ump-INFL milk-INFL spill-INFL] ‘Our cat jumped on the table and spilled milk.’

Currently, there is a wide spread of such a mixed language, which indicates a language shift started within the Buryat speech community. Nevertheless, this is still the Buryat language, manifesting the structural features of the Buryat colloquial speech. It has absorbed many elements and words from the Russian language, but bilingual Buryats process them in a specific way in the process of communication, and monolingual speakers of the Russian language fail to understand their speech. Buryat retains the typological features of the agglutinative language in morphology, i. e. in paradigms of inflectional forms. The range of factors that allow us to identify this specific mixed variety as the Buryat language also include the unique Buryat intonational patterns, which do not allow confusing it with any other language. The phenomenon of mixed speech is explained by the language’s striving for survival in the situation when Russian becomes more prestigious in all functional domains in the territory of the Baikal region.

Examples

Марина: При мастите что помогает? А) *Компресс, архяар хлопчатобумажна тканьда, чтоб урдаха үгы и сверху целлофанова мешогоор хушаад, сверху дулааханаар хушаад уяха, утром тэрэтнай хаташоод байха впитывайлгаад, жэн табиха, халхи абажа болохо үгы.* [Marina: What helps with mastitis? Compress, arkhaar cotton fabric, yes, so that urdakha үгы and cellophane meshogor khushaad on top, dulaahanaar khushaad уяха on top, in the morning teretnay khatashood baikha absorbyvailgaad, zhen tabikha, halhi abazha bolokho үгы.] ‘Compress, vodka on a cotton cloth, so as not to spread and wrap on top with a plastic bag, cover with something on top. warm, tie, in the morning this place, having absorbed the compress, dries up, after that it is necessary to be protected from the wind.’

Как лечить чирий? В) *Капустын набшаһа хозяйственна мылээр мылдээд — приложить.* [How is chirium treated? Kapustyn nabshaha is a household soap, myldeed — attach. — Lather the cabbage leaf with laundry soap and attach.] ‘Lather the cabbage leaf with laundry soap and attach.’

С) *Бага пенситэ хугшэд убгэд не имеем права болеть. Здоровья всем!* [Baga pensione hugshed ubgad have no right to get sick. Health to all!] ‘Women, men with a small pension have no right to get sick!’

Д) *В гостях узнала очень интересный рецепт из глубин арадай арга. Рецепт для повышения гемоглобина, нормализует артериальное давление, помогает повышать иммунитет. Бугын гу али хандагайн зурхэ хургоод, досоохи шуһыень гаргаад, шэл аягасоо хэд хатаагад (ставили на печку, быстрее высыхает). Потом в порошок и начинать пить с теплой водой порошок на кончике ножа. Потихоньку добавляя до чайной ложки.* [While visiting, I learned a very interesting recipe from the depths of aradai arga. Recipe for increasing hemoglobin, normalizes blood pressure, helps to increase immunity. Bugyn gu ali handagain zurkhe hurgod, dosoohi shuhyen gargaad, shel ayagasoo head khataagad (put on the stove, dries faster). Then turn into powder and start drinking with warm water the powder on the tip of a knife. Slowly adding up to a teaspoon.] ‘Cool the heart of a deer or elk by releasing the blood, put it in a glass bowl for drying ...’

Е) *Сайн байна, может, кто знает контакты Сахарова Михаила Васильевича — массажиста? Хэлэжэ, бэшэжэ үгыт даа.* [*Sayn байна, maybe someone knows the contacts of Mikhail Vasilyevich Sakharov — a massage therapist? Helezhe, beshezhe үгыт даа.*] ‘Hello, ... Tell me, write, please.’

References

- Borzhonova A.N. On the question of the influence of the Russian language on the Buryat // Buryatological collection. Irkutsk, 1927. Issue 3–4. S. 17–30.
- Bertagaev T.A. On borrowed Russian words in the Buryat colloquial language // Zap. Institute of Culture. Issue 1. Ulan-Ude, 1935.
- Bertagaev T.A. The influence of the Russian language on the development of the phonetic system of the Buryat-Mongolian language // Uch. app. BMGPI. Issue 1. Ulan-Ude, 1947.
- Bertagaev T.A. The influence of the Russian language on the development of the semantic system of the literary Buryat-Mongolian language // Sat. tr. in philology. Issue 1. Ulan-Ude, 1948, P. 31–77.
- Alekseev D.A. Enrichment of the vocabulary of the Buryat-Mongolian literary language during the Soviet period // Zap VMNIIK. Issue XX, Ulan-Ude, 1955.
- Cheremisov K.M. On early borrowings in the Buryat language // Light over Baikal, 1956, No. 4.
- Tsydendambaev Ts.B. The influence of the Russian language on the development of the Buryat language // Tr. BKNII. Issue 1 Ulan-Ude, 1959. P. 100–111.
- Khomonov M.P. Russian borrowed words in the street poetics of the Buryats // Proceedings of the BKNII SB AS USSR. Issue 1, Ulan-Ude, 1959.
- Barannikov I.V. On the question of the development of Russian sounds by the Buryats // Development of the literary languages of the peoples of Siberia in the Soviet era, Ulan-Ude, 1965.
- Zolkhoev V.I. The interaction of sounds in the stream of speech (based on the material of the Buryat and Russian languages) // Tr. Irkut. un-that. Ser. linguistics. 1965. T. 86, No. 2. P. 5–9.
- Budaev Ts.B., Kalashnikov P.F. On some Russian borrowings in the Buryat language of the pre-revolutionary period // To the study of the Buryat language, Ulan-Ude, 1969.
- Dondukov U.-Zh.Sh. The influence of the Russian language on the development and enrichment of the lexical composition of the Buryat language. Ulan-Ude, 1974. 100 p.
- Tsydenzhapov Sh.-N.R. The influence of Russian phraseology on the development of the phraseological system of the Buryat language // Mutual influence of languages in Buryatia. Ulan-Ude, 1978. P. 76–78.
- Shagdarov L.D. On the growing role of the Russian language in the development of national-Russian bilingualism in Buryatia // Studies in Buryat philology. Ulan-Ude, 1978. P. 3–10.
- Tsydendambaev Ts.B. To the mutual influence of Russian and Buryat languages // Interaction of languages in Buryatia. Ulan-Ude, 1978. P. 49–54.
- Khilkhanova E.V. Some linguistic consequences and mechanisms of code switching in the speech of Buryat bilinguals // Vestn. Cheat. State University, 2007. No. 6 (51). P. 114–121.
- Buryat language in a multicultural space (sociolinguistic research) / G.A. Dyrheeva, N.B. Darzhaeva, Ts. Ts. Balzhinimaeva et al. Ulan-Ude, 2009. 232 p.
- Dyrheeva G.A. Live speech in Buryatia: on the problem of study (sociolinguistic review) // Bulletin of the Tomsk State University. Philology, 2017. No. 45. P. 77–88.

Maria Egorova (drajenka@gmail.com)
Institute of Linguistics RAS / Russian State University for Humanities, Moscow
Elena Klyachko (elenaklyachko@gmail.com)
Institute of Linguistics RAS / Higher School of Economics, Moscow
Elena Rudnitskaya (erudnitskaya@gmail.com)
Institute of Oriental Studies RAS, Moscow

**The correlation of code-switching and use of specific Evenki constructions:
the hesitation markers**

Мария Александровна Егорова (drajenka@gmail.com)
ИЯз РАН / РГГУ, Москва
Елена Леонидовна Клячко (elenaklyachko@gmail.com)
ИЯз РАН / НИУ ВШЭ, Москва
Елена Леонидовна Рудницкая (erudnitskaya@gmail.com)
Институт востоковедения РАН, Москва

**Соотношение переключения кодов и использования специфических
конструкций эвенкийского языка на примере хезитативных маркеров**

Lexical markers of hesitation are listed in [Bogdanova-Beglaryan 2015]. Preparative substitution markers [Kibrik, Podlesskaya 2007] in Russian are pronominal words and expressions, such as *etot (samyj) / eta (samaja) / eti (samyje)*. According to [Podlesskaya, Khurshudyan 2006], a number of languages have such markers, and in some languages these markers can have the grammatical form of words they substitute (Caucasian languages, Armenian, Nganasan, Tungusic and Manchu, see references in [Podlesskaya, Khurshudyan 2006]).

Hesitation markers are used in the first place in oral speech. We use the data in our research from the corpus of Evenki oral stories at the site “Small languages of Siberia: our cultural heritage”. URL: <http://gisly.net/corpus/>, <http://minlang.srcc.msu.ru/>.

In Russian, the preparative substitution marker *это* can agree with the noun it substitutes in number, gender, and/or case (1a-b). The word *это (это, эта)* ‘it, this’ is used in the speech of Evenki native speakers in situations of code-switching. It is translated as *эр* ‘this’, *тар* ‘that’, but only *эр* can be used as a preparative substitution marker (very rarely, it is probably a calque). More often question words are used (*нї* ‘who’, *э* ‘what’, *э́кїн* ‘what’ etc.), and the special placeholder pronoun *аҗ(и)* ‘it’ (both with and without taking the grammatical form of the word substituted, including verb forms): (2), (3a-b).

The frequency of different preparative substitution markers is uneven in the stories of different native speakers. Almost all the speakers are bilingual with Russian predominating, at least at the moment of the recording. However, there is a certain gradation in the degree of knowledge between elderly people who have used Evenki as everyday communication language for long spans of time during their lives, and middle-aged people. Older generation native speakers use mostly native Evenki preparative substitution markers, and these markers are often inflected.

For instance, in N. T. Khadonchina’s (Poligus, born in 1936) story, the *ето* marker is used only once; the *эр* ‘this’ pronoun is used twice, inflected. Otherwise, the markers *аҗи* (placeholder, ‘it’) and *э́кїн* (‘what’) are used, usually inflected. It is a sample of a text with a very small amount of code-switching.

The story by T. A. Bogdanova (Potapovo, born in 1955) has no original Evenki preparative substitution markers: that is, no grammatical forms of the placeholder pronoun *aŋ(i)* ‘it’, or no markers *ə*, *əkiŋ*. Bogdanova has a few *ər* ‘this’ hesitation markers that have been hypothesized to be calques from the Russian *eto*. She also has many more *eto* hesitation markers: she puts *eto* before Evenki words that she knows in Russian, and cannot remember their Evenki equivalents right away (4a-b). We can suppose that T. A. Bogdanova “thinks in Russian” (since a hesitant marker is a discourse word).

In various stories by different native speakers, the proportions between *eto* and Evenki preparative markers are different. Almost all native speakers use Evenki hesitant markers, but not all of them use *eto*.

The type of the hesitation context when the continuation of the sentence is made difficult because the speaker has forgotten the Evenki word coming next creates conditions for code-switching, in particular, for the use of *eto* instead of Evenki preparative substitution markers.

In the talk, we look more closely at the use of hesitant markers in the stories, and present the factors (both linguistic and extra-linguistic) that facilitate the use of *eto* instead of Evenki hesitant markers.

Examples

(1a) В автобус вошли эти, контролеры
 into bus.ACC came.in these[PL,NOM] inspectors[PL,NOM]
 “How is this, inspectors came into the bus”

(1b) Ты мне не нальешь этого, ликера?
 you to.me NEG pour.2.SG this[SG,MASC,GEN] liqueur[SG,MASC,GEN]
 “Would you please pour me, how is this, some liqueur?”

(2) i ər=kə ə-nə ila-rə
 and this=FOC NEG-CVB.SIM light-PTCP.NEG
 amar-gu-t ila-rə-n
 back-ATR.LOC-INSTR light-NFUT-3SG
 təl̩inun i-l-lə-n
 immediately stand-INCH-NFUT-3SG
 “And, how is this, — [not], without lighting the light, she lighted it later — she quickly stood up” (V. Andreev)

(3a) bi təyə-Ø-m tālā kama aŋa-l-dā-i
 1SG sit.down-NFUT-1SG there SLIP open-INCH-CVB.PURP-RFL
 aŋi-wə urkə-wə-n amŋa-wa-n aŋə abduni-n
 it-ACC door-ACC-PS.3SG mouth-ACC-PS.3SG it.NOM den-3SG
 “I sat down in order to open, how is this, the door, the mouth, how is this, of his den”
 (S. Andreeva)

(3b) ə-wa=wal tar nuŋan-ma-n
 what-ACC=INDEF that 3SG-ACC-PS.3SG
 tət̩i-l-wə ə-wa=wal
 clothes-PL-ACC what-ACC=INDEF

aŋi-ra-n bŭ-rə-n

it-NFUT-3SG give-NFUT-3SG

aŋi-da-n n'uhat'[Ru]

amtat-ta-n[Ev]

it-CVB.PURP-3SG smell

smell-CVB.PURP-3SG

“Something, he, **how is this**, gave out of the clothes something, **how is this**, to smell, to smell” (N. Khadonchina)

- (4a) dundə-kōn=tə tolko žə nuŋan əta baldi-l-da-n
Earth-ATTEN=FOC only after.all 3SG it grow.up-INCH-NFUT-3SG
“After all, the Earth had just, **how is this**, started to grow” (T. Bogdanova)

- (4b) bi tožə bi hawal-čā-f saf
1SG too 1SG work-PST-1SG SLIP
əto kal **əto** kalhos-tū hawali-li-Ø-m
this SLIP this kolkhoz-DAT work-INCH-NFUT-1SG
“Me too, I worked, I started to work, how is this, at a collective farm”
(A. Chempogir)

References

- Bogdanova-Beglaryan 2015 — Богданова-Бегларян Н.В. Вербальные хезитативы русской устной речи: реализация поисковой функции и «рефлекс поиска» [Verbal hesitatives of Russian oral speech: the realization of the search function and “the reflex of search”] // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / Ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 345–354.
- Kibrik, Podlesskaya 2007 — Кибрик А.А., Подлеская В.И. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи [Self-corrections of the speaker and other types of speech failures as an object of annotation in oral speech corpora] // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы, издательство ВИНТИ (М.), 2007, № 2. С. 2–23.
- Podlesskaya, Khurshudyan 2006 — Подлеская В.И., Хуршудян В.Г. О лексических маркерах хезитации в спонтанной речи: уроки армянского [On lexical marking of hesitation in spontaneous speech: lessons of Armenian] // Материалы конференции Диалог-21, 2006. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2006/materials/html/Podlesskaya.htm>

Acknowledgements

This research has been supported by Russian Foundation for Basic Research (РФФИ), project № 20-012-00520 А, «The dynamics of the development of the language situation in local groups of indigenous small peoples from Siberia and Far East, based on the data of linguistic biographies».

«Доклад подготовлен при поддержке гранта РФФИ «Динамика развития языковой ситуации в локальных группах коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока по данным лингвистических биографий», № 20-012-00520 А (2020–2022 гг., рук. О. А. Казакевич)».

Тамара Николаевна Ерина (tnerina@rambler.ru)

Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, Чебоксары

Эдуард Валентинович Фомин (yeresen@yandex.ru)

Чувашский государственный институт культуры и искусств, Чебоксары

Чебоксарский региолект: чувашско-русские единицы

Аннотация: В работе рассматриваются русские лексические единицы, образованные в чебоксарском региональном варианте русского языка на чувашской основе. Цель исследования — фиксация чувашско-русских новообразований и их лингвистический анализ. Материалом послужили речевые факты, зафиксированные авторами в естественных условиях. Специфичные неологизмы чебоксарского региолекта строятся на основе чувашских корней по агглютинативному типу путем русского оформления финальных частей слов. Количество таких слов ограничено. При этом в региолекте выработалась схема тотального введения чувашских глаголов в русскую речь. Чувашско-русские межъязыковые образования представляют некодифицированные сферы функционирования языка.

Ключевые слова: чувашский язык, русский язык, словообразование, языковые контакты.

(For English abstract see below)

Чебоксарский региолект русского языка — речь жителей столицы Чувашской Республики г. Чебоксары и ее агломерации, отличающаяся на фоне металекта рядом специфичных черт, например, буквенным произношением, смещенным ударением в ключевых словах, высокой частотностью ряда лексических единиц, допущением чувашизмов (о лингвистических параметрах региолекта см.: 2–4).

Освоение русского языка чувашским населением республики происходило в советское время на основе учебников, обучавших идеальному варианту металекта, и, вероятно, в силу этого речь местного населения не испытала какого-либо существенного русского диалектного влияния. На этот идеальный вариант русского языка был наложен чувашский субстрат, что в итоге и начало выделять речь жителей Чебоксар на фоне других регионов.

Город известен с 1469 г. Долгое время он являлся уездным центром Казанской губернии, столицей Чувашии становится в 1920 г. В настоящее время здесь проживает полмиллиона жителей. Основное население — чувашаи (59 процентов), русские (31 процент).

При Чебоксарах сформировалась агломерация, которая занимает 20 процентов территории республики и включает 60 процентов ее населения.

Чуваши Чебоксар и агломерации значительно русифицированы. Можно предположить, что во многом за счет ассимиляции чувашского населения столицы республики в последние десятилетия фиксируется заметное снижение численности чувашей.

Чувашско-русские лексические единицы впервые были зафиксированы в Урало-Поволжье еще в XIX в. Согласно словарю В. И. Даля, *апайка* перм. ‘татарка’, каз. ‘чувашка’, *апайчанка* или *хирка* ‘чувашская девчонка’ [1, т. 1, с. 30]. Структурно их можно разложить на следующие элементы:

- рус. *апайка* < тат. *ана* ‘старшая сестра’ ~ чув. *анпа* [ап:á] + *-ай* звательный афф. + *-к* + *-а*;

- рус. *апайчанка* < тат., чув. *an(n)a* + *-ай* + *-чан* суфф., используемый для обозначения жителя какого-либо населенного пункта, страны или представителя народа, + *-к* + *-а*;
- рус. *хир* < чув. *хёр* [х'ёр] 'девочка, девушка, дочь' + *-к* + *-а*.

В настоящее время приведенные слова в Чебоксарах не употребляются. Современными же примерами межъязыковых чувашско-русских новообразований могут служить следующие лексемы:

- *камович* слово, уточняющее отчество < чув. *кам* [кám] 'кто' + рус. *-ов* + *-ич*; феминный аналог – *камовна*; ср. с рус. сиб. *чеевич*, *чеевична* [1, т. 4, с. 968];
- *капсушка*, *капсушка* 'девушка с низкой социальной ответственностью', неодобр. 'девица' < чув. *капса́* 'cuppus' (первоначально табуированное слово, осознанное в качестве обценного в период Великой Отечественной войны в результате подражания чувашскими солдатами русскому речевому поведению) + рус. *-ишк* + *-а*;
- *майрушка* 'городская женщина' < чув. *майра* [мајра] 'городская женщина' + рус. *-уш* + *-к* + *-а*;
- *укишки* 'денежки' < чув. *укса* [укш':á] 'деньги' + *-уш* + *-к* + *-а* + *-и*;
- *хамръяльство* 'кумовство' < чув. *хамър ял* [хамър:áл] 'земляк', букв. 'своя деревня' + рус. *-ств* + *-о*;
- *ширтанчик* 'небольшой ширтан' < чув. *шъртан* [шърт:áн] 'колбасное изделие' + рус. *-чик*;
- *шубашкарский* 'чебоксарский' < чув. *Шупашкар* [шубашкар] 'Чебоксары' + рус. *-ск* + *-ий*.

В большинстве своем подобные слова являются неологизмами, возникшими в последние десятилетия. Впрочем, можно допустить, что в предшествующий активным чебоксароведческим исследованиям период они просто не становились объектом лексикографирования, поскольку воспринимались в качестве случайных маргинальных явлений, не достойных изучения. К примеру, известно, что слово *камович*, а также механизм русификации чувашских глаголов (см. ниже) уже были известны в 1970 г.

Другим интереснейшим явлением чебоксарского региолекта следует признать трансформацию чувашских глаголов в русские, например: *кулáхатъ* 'смеяться' < чув. *кул-* 'смейся' + *-ах* + рус. *-а* + *-ть*; *килэхатъ* 'приходить' < чув. *кил-* 'приходи' + *-ех* + рус. *-а* + *-ть*.

Подобное глаголообразование выдерживается в агглютинативном ключе, присущем чувашскому языку. Глаголы представлены корнем в императивной форме (*кул-*, *кил-*). Присоединяемые аффиксы *-ах* (*-ех*) — асемантичные вставки, возможно, восходящие к созвучному чувашскому усилительному форманту (*кулатъ* [кулáт'] 'смеется' — *кулатех* [кулад'эх'] 'будет по-настоящему смеяться', *килет* [к'ил'эт'] 'идет' — *килетех* [к'ил'эд'эх'] 'обязательно придет'). На нем фиксируется ударение. Сингармонизм выдерживается до русской части слова.

Данный прием введения чувашских глаголов в русскую речь тотален, т. е. любой чувашский глагол может быть облечен в русскую форму.

Глаголы, обретшие русские форманты, начинают функционировать в речи по правилам русского языка, ср.:

- *Что вы тут лархаете? ‘Что вы тут сидите?’; Тогда я пурнахал в Цивильске ‘Тогда я жил в Цивильске’; Не турдахайте здесь! ‘Не курите здесь!’.*

В целом использование глаголов чувашского происхождения характерно речи людей, знакомых между собой и так или иначе владеющих чувашским языком. Это связано с необходимостью каждый раз производить новые глагольные формы от чувашских основ. Как таковых устоявшихся генетически чувашских синонимов русские глаголы пока еще не обнаруживают.

В речи чебоксарцев также функционируют чувашские семантические кальки:

- *черный хлеб* ‘ржаной хлеб’ < чув. *хура çăкăр* ‘черный хлеб’; *белый хлеб* ‘пшеничный хлеб’ < чув. *шурă çăкăр* ‘белый хлеб’.

Хлеб имеет качественные ограничения. Как правило, по внешним параметрам он бывает черным или белым; по внутренним — ржаным или пшеничным. В итоге его уточненное наименование в разных регионах России будет совпадать. Однако семантическая обусловленность региональных названий будет приватной. Например, в соседней с Чувашией Нижегородской области называть хлеб черным считается неприличным. По той же причине в Чувашии хлеб называется черным, поскольку он получен тяжким крестьянским трудом (именно этот смысл вложен в название романа чувашского писателя Н. Ильбека «Черный хлеб»).

Дифференциация братьев и сестер по возрасту с точки зрения говорящего на основе противопоставления нейтральных и деминутивных форм одних и тех же слов — факт, прочно утвердившийся в сознании жителей Чебоксар и Чувашии:

- *брат* ‘старший брат’ ≤ чув. *пичче* [п’ич:э] — *братишка* ‘младший брат’ ≤ чув. *шăллăм* [шъл:ъм]; *сестра* ‘старшая сестра’ ≤ чув. *анна* [ап:á] — *сестренка* ‘младшая сестра’ ≤ чув. *йăмăк* [јъмък].

Справедливости ради заметим, что словоформы *братишка*, *сестренка* и в русском языке номинируют младших родственников, но в чебоксарско-чувашском восприятии данные слова переходят в разряд стилистически нейтральных, чего не наблюдается в русском литературном языке.

Таким образом, в чебоксарском региолекте русского языка под влиянием чувашского начал формироваться пласт межъязыковых образований, углубляющих специфику речи жителей города и агломерации. Как правило, они представляют собой просторечные единицы с получувашским статусом. С нормативной точки зрения, чувашско-русские единицы следует признать в качестве просторечных образований, семантические же кальки представляются вариантами литературного языка.

Сокращения

Афф. — аффикс, каз. — казанское слово, перм. — пермское слово, рус. — русский язык, сиб. — сибирское слово, суфф. — суффикс, чув. — чувашский язык.

Литература

1. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Астрель, АСТ, 2004.
2. Ерина Т. Н., Фомин Э. В. Ортологический аспект изучения речи чебоксарцев // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2019. № 3. С. 34–39.
3. Фомин Э. В., Ерина Т. Н. Маркеры чебоксарского региолекта русского языка // Ашмаринские чтения. Чебоксары, 2019. С. 59–61.
4. Erina T. N., Fomin E. V. Russian Language in Modern Conditions: Cheboksary Regiolect // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. Vol. 92. P. 315–322.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Чувашской Республики в рамках научного проекта № 19-412-210001 р_а.

Tamara N. Erina (tnerina@rambler.ru)

Chuvash State University, Cheboksary

Eduard V. Fomin (yeresen@yandex.ru)

Chuvash State Institute of Culture and Arts, Cheboksary

Cheboksary regiolect: Chuvash-Russian units

Abstract. The work examines the Russian lexical units formed in the Cheboksary regional version of the Russian language on the Chuvash basis. The aim of the study is to record the Chuvash-Russian neoplasms and carry out their linguistic analysis. Speech facts recorded in natural conditions served as the material. Specific neologisms of the Cheboksary speech are built on the basis of Chuvash roots according to the agglutinative type due to the Russian design of the final parts of words. The number of such words is limited. At the same time, a scheme for the total introduction of Chuvash verbs into Russian speech was developed in the region. Chuvash-Russian interlingual formations represent uncoded spheres of language functioning.

Key words: Chuvash language, Russian language, word formation, language contacts.

László Fejes (fejes.laszlo@gmail.com)

Research Institute for Linguistics (Nyelvtudományi Intézet), Budapest

The phoneme pattern of Erzya and the Russian loanwords

Ласло Фейеш (fejes.laszlo@gmail.com)

Научно-исследовательский институт лингвистики, Будапешт

Фонемная структура эрзянского языка и русские заимствования

Both Erzya and Russian are languages with five vowels and extensive opposition of non-palatalized and palatalized consonants, in which the palatalization of consonants and the frontness of vowels are connected. In Erzya, /i/ and /e/ are retracted when they follow a non-palatalized consonant having a palatalized pair. Russian /i/ behaves in a very similar way, but Russian /e/ does not occur after non-palatalized consonants (except for some fresh loanwords as /oteli/ ‘hotel’ or /internet/ ‘internet’). In Erzya suffixation, suffix consonants can undergo palatal assimilation triggered by front vowels (/kudo-t/ ‘house-PL’ : /velje-ti/ ‘village-PL’) and the mid vowel /o/ can undergo fronting due to the palatalizedness of the stem final consonant (/kal-oni/ ‘fish-GEN’ : /kalj-eni/ ‘willow-GEN’). In Russian suffixation, stem final consonants can undergo palatalization under the influence of a suffix initial front vowel: /gotov/ ‘ready’ : /gotovʲiti/ ‘to prepare, to cook etc.’, /gorod/ ‘city, town’ : /gorodie/ ‘city-SG.PREP, town-SG.PREP’.

Nonetheless, much less attention was paid to stem internal interference of consonant palatalizedness and vowel frontness in both languages. Is it more probable that a non-palatalized consonant will be followed by a back vowel than a front one and that a palatalized consonant will be followed by a front vowel than a back one? If we find such tendencies, are they similar in the two languages? Today, virtually all native speakers of Erzya can speak Russian, which is the dominant language for many of them. Consequently, in principle, any Russian word can be borrowed by Erzya. How do these loanwords change the phoneme patterns typical for Erzya stems? The research presented attempts to explore at least some of these problems.

The aim was not to contrast Erzya and Russian, but to examine the influence of Russian on Standard Erzya. The monomorphemic words of an Erzya dictionary were divided into two groups: native and fresh Russian loanwords. All non-Russian loanwords and even some older Russian loanwords (which have undergone a significant change after being adopted into Erzya) were considered as native. The following parameters were examined:

- the percentage of different vowels after different groups of word initial consonants;
- the percentage of different consonants after different vowels in the initial syllable;
- the distribution of second syllable vowels after first syllable vowels;
- the percentage of different groups of consonants between non-harmonic vowels.

Since non-palatalized–palatalized pairs occur only among dental consonants in Erzya, special attention was paid to dental consonants. They were divided into three groups, which were examined separately: stops, which alternate in suffixes; sibilants and affricates, which do not undergo alternation and block the alternation of stops in the same cluster (cf. /kudo-so-nzo/ ‘house-INE-3SG’ : /velje-se-nze/ ‘village-INE-3SG’); and trills and approximants, which are rare in suffixes, therefore they cannot be

classified as belonging to the above mentioned two groups. Similarly, special attention was paid to mid vowels, which alternate with each other, and high vowels, which also form a front/back pair, but never alternate (not independently of the fact that /u/ practically never occurs in non-initial syllables).

The results show some surprising similarities but also considerable differences between the phoneme patterns of native (older) Erzya stems and that of new Russian loanwords.

Abbreviations

3SG — third person singular (possessive suffix)

GEN — genitive

INE — inessive

NOM — nominative

PL — plural

PREP — prepositional

SG — singular

Diana Forker (diana.forker@uni-jena.de)
University of Jena, Jena
Lenore Grenoble (grenoble@uchicago.edu)
U Chicago, Chicago

Some structural similarities in the outcomes of language contact with Russian

Диана Форкер (diana.forker@uni-jena.de)
Университет Йены
Ленор Гренобль (grenoble@uchicago.edu)
Университет Чикаго

Сходные структурные следствия языкового контакта в языках, подвергающихся влиянию русского

This talk surveys a broad range of languages in contact with Russian to provide an overview of a core set of similarities in the outcomes of contact-induced change. We consider both lexical and structural borrowings, focusing on five categories: adjectives, verbs, indefinite pronouns, participles and conjunctions, and the structure of complex clauses. There are clear genetic and areal tendencies for particular strategies for the integration of loan verbs, while we also find broad similarities in the changes across all languages surveyed, despite their differences typologically and genetically, and also in terms of their demographics and local contact ecologies. For instance, in all languages studied Russian adjectives normally occur in an invariant form that is either identical to the most frequent standard Russian masculine singular nominative form in *-ij / -yj* (with phonological adaption) (1) or other less common forms in *-oy (-ay)*.

- (1) Kildin Saami (Rießler, 2009)
Russian *èlektričeskij* ‘electric’ > *el’ektričeske*
Russian *kotóryj* ‘which?’ > *katóre*

Borrowed adjectives do not show agreement with nouns, not even in languages such as the East Caucasian language Sanzhi with a tripartite gender system comparable to the Russian system (masculine, feminine, neuter).

Another similarity is the widespread insertion of Russian particles, conjunctions and subordinators, which confirms cross-linguistically observed trends. The picture is more diverse with respect to relative clauses. The Russian pattern of postnominal relative clauses introduced by a relativizer has made its way into a large number of languages from the west to the east of the EX-USSR territory, but did not reach the West and East Caucasian languages. In example (2) from Karaim the Russian interrogative adverbial *kogda* ‘when’ is used as relative pronoun in a Russian manner.

- (2) Karaim (Csató, 2000, p. 730)
ed’ik	Yusufta	yīlisuvda	kayda	astrī
COP.PST.1PL	Yusuf.LOC	sauna.LOC	where(RUS)	very

yaxšī yuvundux
good wash.REFL.PST.1PL
‘We were at Yusuf’s (house), in the sauna, where he had such a nice bath.’

Nonetheless, there are differences, even among closely related languages. In our study, these differences are particularly obvious for verbal borrowings. For instance, Sakha and Dolgan (3) use indirect insertion for borrowed verbs, in contrast to all other documented Turkic languages that use a light verb strategy (4).

- (3) Dolgan (Stapert, 2013, p. 306)
Ma:ma, di:-bin heee, χajdaχ dieb-ij
mother(RUS) say.SIM.CV-PRED.1SG heee how say.FUT.1SG-Q
- ke [jesli svatatsa-la:-taχ-tarīna, minigin
PRT if(RUS) ask.in.marriage(RUS)-VBLZR-COND-COND.3PL 1SG.ACC
- kördö:-töχ-törüne] di:-bin buo
request-COND-COND.3PL say.SIM.CV-PRED.1SG PRT
'Mother, what do I say if/when they come and ask me in marriage, and look for me?'
- < Russian *svatat'sya* 'woo'

- (4) Uzbek (Turkic) (Schlyter, 2003, p. 162)
Russian *perevesti* 'translate' > Uzbek *perevesti qilmoq* (lit. 'translate do')

Thus, the main goal of the talk is to provide a descriptive framework for analyzing and comparing the impact of Russian and to identify major trends in matter and pattern borrowing. The languages that we look at belong to a variety of languages families, namely Turkic, West Caucasian, East Caucasian, Uralic and Tungusic and a few others. We also suggest some explanations for the observed similarities and differences that take into consideration linguistic (structural, genealogical) and sociohistorical characteristics. By doing that we hope to inspire other researchers to follow our approach and engage in the comparative study of Slavicization by adding more recipient languages as well as other Slavic donor languages to the picture.

References

- Csató, É. Á. 2000. Some typological features of the viewpoint and tense system in spoken North-Western Karaim // Ö. Dahl (Ed.) *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin: De Gruyter. P. 723–752. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110197099.5.723>
- Rießler, M. 2009. Kildin Saami vocabulary // M. Haspelmath, & U. Tadmor (Eds.) *World Loanword Database*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wold.cild.org/vocabulary/14>, Accessed on 2019-03-04.)
- Schlyter, B. N. 2003. Sociolinguistic changes in transformed Central Asian societies // J. Maurais, & M. A. Morris (Eds.) *Languages in a Globalising World*. New York: CUP. P. 157–187. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511613739.011>
- Stapert, E. L. 2013. Contact-induced change in Dolgan: An investigation into the role of linguistic data for the reconstruction of a people's (pre)history. PhD dissertation, Leiden University.

*Екатерина Юрьевна Груздева (ekaterina.gruzdeva@helsinki.fi)
Хельсинкский университет*

Влияние русского языка на структуру простого предложения в нивхском языке
(Пленарный доклад)

*Ekaterina Gruzdeva (ekaterina.gruzdeva@helsinki.fi)
University of Helsinki*

Russian influence on Nivkh clausal structure
(Plenary talk)

Уже более 100 лет нивхский (изолированный) язык находится под влиянием русского языка, которое началось с появлением первых двуязычных носителей в начале XX в. За прошедший век число носителей нивхского языка, на котором говорят в Хабаровском крае и на о. Сахалин, сократилось приблизительно в сто раз и составляет в настоящее время не более 50 человек. Как минимум последние тридцать лет все компетентные носители нивхского языка в полной мере владеют также и русским языком, который является для них основным языком повседневной коммуникации. Нивхский язык остается в пассивном устном владении, но используется в письменном виде в различного рода публикациях, многие из которых основаны на переводах с русского языка.

Результаты моих полевых исследований (1989–2019) отчетливо демонстрируют, что как в устной, так и в письменной речи современных носителей нивхского языка грамматическая интерференция все больше совмещается с различными аттриционными явлениями, связанными с постепенной утратой языка (Груздева 2007б, Anttonen et al. 2016). Границу между интерференцией и аттрицией провести, как известно, достаточно сложно (см. Груздева 2007а). В первой части своего доклада я приведу аргументы за и против возможности такого разграничения.

Во второй части доклада я рассмотрю общие тенденции и отдельные аспекты влияния русского языка на структуру простого предложения в нивхском языке, которые остались за рамками моих предыдущих исследований в области нивхско-русских языковых контактов (Gruzdeva 2010, 2015). Наиболее подробно я остановлюсь на изменениях, происходящих при построении нивхских транзитивных и дитранзитивных конструкций, которые лежат в основе нивхского полисинтетизма. Установлено, что в условиях утраты языка это явление оказывается достаточно уязвимым (Gruzdeva & Vakhtin 2017). Как показывает нивхский языковой материал, контакты с русским языком в совокупности с языковой аттрицией приводят к трансформации порядка слов, изменению падежного оформления и в конечном итоге к полному разрушению полисинтетических черт, которые составляют одну из отличительных особенностей нивхского языка.

Литература

Груздева, Е. 2007а. Языковая аттриция в системе языковых изменений. // Н. Б. Вахтин (ред.), Языковые изменения в условиях языкового сдвига. Санкт-Петербург: Нестор, С. 16–58.

- Груздева, Е. 2007б. Комплексное представление языковых изменений в условиях языкового сдвига. // Н. Б. Вахтин (ред.), Языковые изменения в условиях языкового сдвига. Санкт-Петербург: Нестор, С. 188–212.
- Anttonen et al. 2016. A. Anttonen, J. Luukkonen, E. Sandman, S. Santalahti, T. Ylitalo, and E. Gruzdeva. Attritional phenomena in the Nivkh language on Sakhalin. // E. Gruzdeva and J. Janhunen (eds.), Crosslinguistics and linguistic crossings in Northeast Asia. Papers on the languages of Sakhalin and adjacent regions. *Studia Orientalia* 117. Helsinki, P. 201–225.
- Gruzdeva, E. 2010. Contact-induced changes in the language shift situation: The impact of Russian on Nivkh (Paleosiberian). // P. S. Ureland et al. (eds.), Contact, Migration and Linguistic Areas. Euro-Atlantic and Euro-Asiatic Perspectives. Proceedings of the 7th International Eurolinguistics Symposium, Humboldt-Universität Berlin, October 6th-7th, 2006. *Logos*, P. 477–493.
- Gruzdeva, E. 2015. Sociolinguistic and linguistic outcomes of Nivkh-Russian language contact. // C. Stolz (ed.), *Language Empires in Comparative Perspective*. Mouton de Gruyter, P. 153–181.
- Gruzdeva, E. and N. Vakhtin. 2017. Language obsolescence in polysynthetic languages. // M. Fortescue, M. Mithun, and N. Evans, (eds.), *The Oxford Handbook of Polysynthesis*. New York: Oxford University Press, P. 428–448.

Валентин Юрьевич Гусев (valentin.gusev@iling-ran.ru)
Университет Гамбурга / Институт языкознания РАН, Москва

Деепричастие на *-да* в говорке

Valentin Gusev (valentin.gusev@iling-ran.ru)
University of Hamburg / Institute of Linguistics RAS, Moscow

Da-converbs in Govorka (Taimyr Russian Pidgin)

В говорке (таймырском пиджине на русской основе) есть конструкция, которая маркируется энклитикой *-да*, примыкающей к глагольной форме, чаще всего прошедшего времени (см. Stern 2011: 80–83; Stern 2012: 520–526):

- (1) *Таперя тут чум место дошел-да смотрел.*
'Потом сюда к чуму подошел и смотрит'. [Stern 2012: 607]
- (2) *Тебя колотил-да, глаза место тут ударил-да, тебя наверно синяк будет.*
'Если я тебя буду бить, если сюда в глаз ударю, у тебя, наверное, синяк будет'.
[Stern 2012: 595]
- (3) *Ну, теперь шаманил-да кончал-да он тут.*
'Ну, теперь он шаманить перестал'. [там же: 579]

Эти конструкции вписываются в общую картину употребления энклитики *да* в русских диалектах Европейского Севера и Сибири, с одной стороны, а с другой — похожи и на употребления якутской частицы *да*. Материал текстов на говорке, приведенных в Stern 2012, позволяет показать, что эти конструкции, с третьей стороны, точно покрывают область употребления двух нганасанских деепричастий: одновременному/последовательному на *-sa* и условному на *-hüi*² (см. о них Wagner-Nagy 2019: 261, 270–272), причем в том числе в их недеепричастных употреблениях; к последним относится, например, употребление деепричастия на *-sa* как инфинитива при глаголе 'кончать'.

Совпадение конструкций, которые говорящие на говорке нганасаны, казалось бы, должны стремиться различать, выглядит парадоксальным. Однако здесь можно вспомнить послелог *место* в той же говорке, который соответствует всем местным падежам нганасанского языка — лативу, локативу, аблативу и пролативу. Можно предположить, что в пиджине могут объединяться в одной форме противопоставленные граммы одной грамматической категории.

Литература

- Stern, Dieter. Grammaticalization in Russian-Lexifier Pidgins // Slavic Eurasian Studies 23. 2011. P. 49–90.
- Stern, Dieter. Taimyr-Pidgin-Russisch. Kolonialer Sprachkontakt in Nordsibirien. München etc.: Otto Sagner, 2012.
- Wagner-Nagy, Beáta. A grammar of Nganasan. Leiden; Boston: Brill, 2019.

*Егор Владимирович Кашкин (egorka1988@gmail.com)
ИРЯ РАН, Москва*

**Некоторые особенности русской речи горных марийцев
в свете языковых контактов**

*Egor Kashkin (egorka1988@gmail.com)
RLI RAS, Moscow*

**Some peculiarities of the Russian speech of Hill Mari
and the issue of language contact**

В докладе будут рассматриваться особенности русской речи носителей горномарийского языка (< марийские < финно-угорские), которые могут быть обусловлены контактными влияниями. Основное внимание будет уделяться уровням семантики и синтаксиса. Наряду с этим будет обсуждаться практическая задача подготовки корпуса русской речи горных марийцев.

Материал собран в экспедициях ОТиПЛа МГУ в 2016–2019 гг. в с. Кузнецово Горномарийского района Республики Марий Эл и в ряде окрестных деревень. В основном доклад будет опираться на записи устных текстов общей длительностью около 3 ч. В отдельных случаях будут привлекаться сделанные в ходе полевой работы заметки автора о тех или иных явлениях в русской речи.

Некоторые характеристики русской речи носителей близкородственного лугового марийского языка ранее обсуждались в [Пенгитов 1958; Кузнецова 2002]. Мы сопоставим наш материал с наблюдениями указанных авторов и дополним их, сопровождая анализ статистическими оценками и сопоставлением явлений горномарийского и русского языков. Некоторые из наших предшественников рассматривали переключение кодов между марийскими языками и русским языком (см. в частности [Плешак, Хомченкова 2019; Дьячков, в печати]). Эту проблематику мы оставляем за рамками доклада.

Круг явлений, которые будут обсуждаться в докладе, включает, среди прочего:

- сбои в выборе родовых форм (*ночной смена; Потом боялся рожать* [женщина о себе]);
- мену либо опущение предлогов (*В пенсии она; Но жить-то хорошо газом-то* [вм. с газом]);
- выбор падежной формы в отрицательных и в количественных конструкциях (*Председатель-то, колхоз-то нету щас/; четыре буханок*);
- копирование моделей полисемии (*Летом-то в деревне живут там, у мужика*. [вм. у мужа, ср. в горномарийском языке сочетание значений ‘мужчина’ и ‘муж’ у существительного *marə*]).

В некоторых случаях рассмотренный материал включает примеры, которые могут быть оценены как нестандартные для современного русского литературного языка, однако наличие или отсутствие контактной природы в их случае неочевидно. В частности, это случаи лексического выбора, как, например: *Редко /ваших-то с \неском пьют* [чай]. В русском языке контекст *чай с песком* несколько маргинален, ср. отсутствие его вхождений в НКРЯ vs. 72 вхождения *чай с сахаром* (поиск точных форм в основном корпусе НКРЯ). Многие из опрошенных нами носителей русского языка также ставят под сомнение употребление слова *песок* в таком контексте, но в целом не отрицают его полностью. Поэтому не исключено,

что такой пример принадлежит некоему просторечию, не обусловленному языковыми контактами. В то же время, в исследованных нами горномарийских говорах значение 'сахар' нейтрально выражается русским заимствованием *pesok*, что может коррелировать с таким употреблением и в русской речи. В докладе мы приведем и некоторые другие «пограничные» примеры и обсудим, какими могли бы быть возможный набор аргументов за и против их анализа как контактно обусловленных и принимаемые практические решения при их разметке в корпусе.

Литература

- Дьячков В. В. В печати. Структурные и социолингвистические характеристики горномарийско-русского переключения кодов: пилотное исследование // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 4. 2020.
- Кузнецова А. И. 2002. Старый Торъял на распутье: причины изменений, происходящих в говоре // Луутонен Й. (ред.) Языковые контакты Поволжья (Симпозиум в городе Турку, 16–18.8.2001). Турку: Университет Турку. С. 127–138.
- Пенгитов И. Т. 1958. Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Ч. 1. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство.
- Плешак П. С., Хомченкова И. А. 2019. Переключение кодов как контекст контрастности в горномарийском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 1. С. 56–68.

Ольга Анатольевна Казакевич (kazakevich.olga@gmail.com)
ИЯз РАН / ИЛ РГГУ, Москва

Русские глаголы в речи северных селькупов

Olga Kazakevich (kazakevich.olga@gmail.com)
Institute of Linguistics, RAS / Institute of Linguistics RSUH, Moscow

Russian verbs in Northern Selkup speech

В докладе рассматриваются способы вхождения русских глаголов / глагольных основ в устные тексты на говорах северных селькупов (см. Источники). Материалом служат опубликованные тексты 1970-х годов (Кузнецова и др. 1993) и полевые материалы автора 1996–2015 гг. В доступных нам более ранних текстах первой половины прошлого века русских глаголов не обнаружено.

Если в текстах 1970-х гг. русских вставок сравнительно немного, то среди текстов последней четверти века вряд ли найдется хотя бы один совсем без русских вкраплений. При этом глаголов среди таких вкраплений существенно меньше, чем имен, а тем более чем наречий, союзов и частиц. Наиболее популярны русские вкрапления в функции дискурсивных маркеров. Это могут быть и отдельные слова (*а, ну, потом, вот, значит, короче*), и выражения (*ну ладно, елки зеленые, вот и все* и др.). Но вернемся к глаголам.

Русские глаголы могут входить в селькупский текст в качестве островного включения с русским грамматическим маркированием (1), (2). Именно такие случаи составляют большую часть глагольных вхождений в речи всех поколений.

Случаи оформления русских глагольных основ (обычно это глаголы в форме императива) селькупскими грамматическими показателями существенно более редки. При этом возможно присоединение грамматических показателей непосредственно к форме императива (3) или через посредство суффикса *-η/k* (4), (5), образующего также глаголы от селькупских существительных (см. Кузнецова и др. 1980: 342). Детранзитивирующий аффикс присоединяется непосредственно к русскому императиву (6), а видовые показатели могут присоединяться как к русскому императиву (7), так и к вербализатору *-η/k* (8).

В докладе будет рассмотрено, зависит ли оформление русского глагола в селькупском тексте от степени его освоения (заимствование vs кодовое переключение) и/или уровня владения селькупским языком говорящего.

Далее, воспользовавшись корпусом эвенкийских текстов и еще не загруженными в корпус собственными полевыми материалами, мы сравнили русские глагольные включения в селькупских и эвенкийских текстах. Сравнение показало большую частоту включения глаголов в эвенкийские тексты по сравнению с селькупскими. В эвенкийских текстах, как и в селькупских, возможны островные включения русских глаголов, оформленных по правилам русской грамматики (9), однако при оформлении русских глагольных форм эвенкийскими показателями возможно значительно большее разнообразие исходных форм (императивы, формы прошедшего времени, возвратные глаголы) (10), (11).

В заключение селькупские и эвенкийские материалы мы постараемся рассмотреть в типологическом контексте (Wohlgemuth 2009; Forker forthcoming).

Примеры

- (1) *nĩmtĩ i mat* **поднялся** *wəʃʃiʃiʃisak* *buran mi-s-ak*
тогда и 1SG поднялся поднять-DETR-PST-1SG.SBJ буран взять-PST-3SG
'Тогда и я **поднялся**, поднялся, буран купил (букв. взял)' (Совречка 2006)
- (2) *qumi-ti-m* *nɛinta timti* **раскулачивали**
человек-PL-ACC вот здесь раскулачивали
'Людей здесь раскулачивали' (Красноселькуп 2013)
- (3) *ʃittæʌ kor-alt-ɔ:t* *nɛinta aj* **pitaj**-q-olam-n-ɔ:t
вторично вертеться-TR-3PL вот и пытаться-INF-AUX.INCH-EP-3PL
'Потом повернули вот и пытаться начали' (Красноселькуп 2013)
- (4) *tam y:ti-n* **refi-ŋ-nent-ɔ:min** *kuttar* *ɛ:-tiʌ*
этот вечер-ADVZ решить-VBLZ-FUT-3PL как быть-PPRS
qə:ty *mə:nn-ent-itĩ*
шаманская.мудрость измерить-FUT-3SG.OBJ
'Этим вечером решим, какое шаманское умение (он) измерит'
(Кузнецова и др. 1993)
- (5) *nĩmtĩ* **konʃi-k-s-ap** *ʃitti ʃʌ:ŋki-tij* *køt* *klassa-t*
там кончить-VBLZ-PST-1SG.OBJ два NEG-PPRS десять класс-PL
'Там кончила восемь (букв. два недостающие десять) классов'
(Толька КС 2013)
- (6) *tĩ: ʃɛntĩ nu:-ʃi-ʃyʌʃʌ:-qin*
сейчас новый небо-GEN-нутро-LOC
надо *soma-ŋ* **uʃi-tti-qa**
надо хороший-ADVZ учить-DETR-INF
'Сейчас в новой жизни (букв. в новом небе) надо хорошо учиться'
(Толька КС 2013)
- (7) *qəttinti* **taskaj**-mi-mɔ-ɔ:t
поселок-ILL таскать-DUR-PSTN-3PL
'В поселок возили (букв. таскали)' (Часелька 2013)
- (8) *tada družba ʃʌ:ŋki-s-a*
тогда дружба NEG-PST-3SG.SBJ
uti-sæ *ro:-p* **pʌli-ŋ-ɔ:l-k-ɔ:tit**
руки-INS дерево-ACC пилить-VBLZ-PLOBJ-HAB-3PL
'Тогда дружбы (пилы) не было, вручную (букв. руками) дрова пилили'
(Совречка 1998)
- (9) *bi strelka-dũ* *bi-dʼə-nə* **хорошо** **охотился**
1SG Стрелка-DATLOC быть-IPFV-CV SIM хорошо охотился
'Я, будучи в Стрелке, хорошо охотился' (Стрелка Чуня 2007)
- (10) *amaski: bulta:-nə-duk-pi*
раньше добыча-PPF-ABL-RFL
poluʃaj-dʼə-ŋki-w *grəmə-wə*
получать-IPFV-PSTITER-1SG премия-ACC
'Раньше после промысла я получал премии' (Виви 1952)
- (11) *aja-mama-t* **ohotʼilsa-dʼə-ʃʌ-w**
хороший-INTS-ADVZ охотился-IPFV-PST-1SG
'Очень хорошо охотился' (Стрелка Чуня 2007)

Сокращения

ABL — аблатив, ACC — аккузатив, ADVZ — адвербиализатор, AUX — вспомогательный глагол, DATLOC — датив-локатив, DETR — детранзитиватор, DUR — дуратив, EP — вставка, FUT — будущее время, GEN — генетив, HAB — хабитуалис, ILL — иллатив, INCH — инхоатив, INF — инфинитив, INS — инструменталис, INTS — интенсификатор, IPFV — имперфектив, LOC — локатив, NEG — отрицание, OBJ — объектное спряжение, PL — множественное число, PLOBJ — многообъектность, PPF — перфективное причастие, PPRS — причастие настоящего времени, PST — прошедшее время, PSTN — повествовательное прошедшее, PSTITER — прошедшее итеративное, RFL — рефлексив, SBJ — субъектное спряжение, SG — единственное число, TR — транзитиватор, VBLZ — вербализатор.

Источники

Селькупские тексты 1970-х годов: тексты, опубликованные в (Кузнецова и др. 1993), общий объем текстов 1970-х гг. 10 тыс. словоупотреблений.
Селькупские тексты 1996-2015 гг.: полевые материалы автора, объем более 50 тыс. словоупотреблений. Небольшая часть полевых материалов представлена на сайте «Малые языки Сибири: наше культурное наследие»: www.minlang.srcc.msu.ru.
Селькупские тексты 1-й пол. XX в.: из архивов Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых, 30 с/у (МАЭ РАН) и Л. А. Варковицкой, 30 тыс. с/у. (ИЯз РАН).
Корпус эвенкийских текстов: <http://gisly.net> (Е. Л. Клячко).

Литература

Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Том 1. М.: МГУ, 1980.
Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А. Очерки по селькупскому языку. Том 2. М., 1993.
Forker D. The late success of Soviet language policy: The integration of Russian verbs in languages of the former Soviet Union // *International Journal of Bilingualism*, forthcoming.
Wohlgemuth J. *A Typology of Verbal Borrowings*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009.

Благодарности

Доклад подготовлен в рамках проекта РФФИ 20-012-00520 «Динамика развития языковой ситуации в локальных группах коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока по данным лингвистических биографий».

*Аимгуль Каирбековна Казкенова (aimgul.kazkenova@mail.ru)
Евразийский технологический университет, Алматы
Екатерина Владимировна Рахилина (rakhilina@gmail.com)
НИУ ВШЭ / ИРЯ РАН, Москва*

Предлоги *от*, *из* и *с* в русской речи казахов-билингвов

*Aimgul Kazkenova (aimgul.kazkenova@mail.ru)
Eurasian technological university, Almaty
Ekaterina Rakhilina (rakhilina@gmail.com)
HSE University / RLI RAS, Moscow*

Prepositions *ot*, *iz* and *s* in the Russian speech of Kazakh bilinguals

В докладе рассматриваются случаи нестандартного употребления предлогов *от*, *из*, *с* в русской речи казахов-билингвов. Источником материала послужил Русский учебный корпус (RLC).

Методологической основой доклада стали, с одной стороны, семантические исследования этих предлогов (Иорданская, Мельчук 1995; Мельчук, Иорданская 2007: 503–560; Агафонова 2000; Левонтина 2004). С другой стороны, для нашего исследования важны наблюдения над разного рода отклонениями в использовании русских предлогов в речи инофонов (Daniel, Dobrushina, Knyazev 2010: 74–78; Stoynova 2019: 21–22), в том числе наблюдения, сделанные на основе данных RLC (Рахилина 2016; Vlasova 2019, Perova Nouvelot 2020).

Довольно регулярное смешение предлогов в русской речи казахов можно оценивать как следствие (1) влияния родного языка, в котором есть исходный падеж, соответствующий русским конструкциям Р.п. с предлогами *от*, *из*, *с*; (2) влияния русского просторечия (*с* вместо *из*), а также (3) достаточно сложных семантических соотношений между предлогами в русском языке.

Одной из особенностей русской речи казахских билингвов, отраженной в корпусе, является сужение сферы использования беспредложного Р.п. за счет расширения случаев употребления *от* + Р.п. Как известно, русский Р.п. обладает широким кругом значений (ГР 1980: 479–480), некоторые из которых кажутся противопоставленными (ср.: принадлежность — отчуждение). Однако под влиянием родного языка, в котором есть не только родительный, но и исходный падеж, билингвы связывают беспредложный Р.п. в первую очередь со значением принадлежности. Так, в своей русской речи вместо беспредложного Р.п. они вводят *от* + Р.п. для выражения значений отчуждения и лишения (*лишить от прежней любви*), а также в случаях конкуренции значений принадлежности и источника (*собирает симпатии от зрителя*).

В докладе рассматриваются исходные пространственные значения предлогов *от*, *из* и *с*, обсуждается их разная степень мотивированности в составе разных конструкций. Большинство обнаруженных случаев отклонений от стандарта русского языка наблюдается в ситуациях затрудненной интерпретации (поверхность / вместилище / точка): *покупаем продукты от базара; шел из учебы домой*.

Также обращается внимание на производные значения, с которыми связаны трудности выбора: образец / источник, производитель продукта, время, причина. Как показывает корпусный материал, тонкие метафорические переносы,

разграничение смежных значений (ср. источник — образец: *брать пример от старших*) и разновидностей одного значения (время: *от каменного века, из ранних времен*; причина: *вышли с испуга, знание накопилось от любознательности*) вызывают у казахских билингвов затруднения при выборе нужного предлога. Кроме того, на выбор предлогов в русском языке оказывают воздействие дополнительные ограничения со стороны предикатов и имен.

Таким образом, анализ корпусных текстов позволяет «каталогизировать» отклонения в выборе предложно-падежных конструкций в речи неисконных носителей русского языка (в нашем случае — казахско-русских билингвов), а также внести некоторые уточнения в семантическое описание русских предлогов.

Литература

- Агафонова К. О конструкции «предлог С + генитив» // Исследования по семантике предлогов / ред. Д. Пайар, О. Н. Селиверстова. Москва: Русские словари, 2000. С. 313–337.
- Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. К семантике русских причинных предлогов (ИЗ-ЗА любви — ОТ любви — ИЗ любви — *С любви — ПО любви) // Московский лингвистический журнал, 1995, 2. — С. 162–211.
- Левонтина И.Б. Из-за // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-ое изд., испр. и доп. / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. — М.; Вена: ЯСК: Венский славистический альманах, 2004. — С. 430–437.
- Мельчук И. А., Иорданская Л. Н. Смысл и сочетаемость в словаре. — М.: ЯСК, 2007. — 649 с.
- Рахилина Е.В. О новых инструментах описания русской грамматики: корпус ошибок // Русский язык за рубежом, 2016, №3. — С. 20–25.
- Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. I. М.: Наука, 1980. 789 с.
- Daniel, M., Dobrushina, N., Knyazev, S. Highlanders' Russian: Case Study in Bilingualism and Language Interference in Central Daghestan // Slavica Helsingiensia 40. 2010. P. 65–93.
- Perova Nouvelot, Yu. La préposition *iz* en russe moderne: étude de corpus: thèse de doctorat en Sciences du Langage. Université Côte d'Azur, 2020.
- Stoynova, N. Russian in contact with Southern Tungusic languages: Evidence from the Contact Russian Corpus of Northern Siberia and the Russian Far East // Slavica Helsingiensia 52. 2019. P. 9–36.
- Vlasova, E. Prepositional phrases with *dlja* in non-standard varieties of Russian in Finland: Evidence from the Russian Learner Corpus // Slavica Helsingiensia 52. 2019. P. 46–57.

Корпус

Русский учебный корпус: <http://www.web-corpora.net/RLC>.

*Ирина Андреевна Хомченкова (irina.khomchenkova@yandex.ru)
ИРЯ РАН / МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва*

Русские слова в осетинской речи: корпусные наблюдения

*Irina Khomchenkova (irina.khomchenkova@yandex.ru)
RLI RAS / MSU, Moscow*

Russian words in Ossetic speech: corpus observations

В данной работе представлен корпусный дескриптивный анализ русских вставок, имеющих осетинские аналоги, в речи осетинско-русских билингвов. Корпус (см. <https://www.ossetic-studies.org/ru/texts/iron>) был собран коллективом осетинской экспедиции в 2007–2013 гг. и на текущий момент насчитывает около 60000 словоупотреблений.

Осетинско-русский билингвизм широко распространен как минимум сто лет [Belyaev 2019: 469]: в то время как до 19 века осетины (предположительно) владели кабардинским, карачаево-балкарским и/или накхским (в Северной Осетии), на текущий момент большинство осетин — осетино-русские билингвы (см. описание взаимодействия осетинского и русского языков в [Камболов 2007]). Социолингвистическая ситуация для осетинского также описана, например, в [Валиева 2012].

Существуют работы, посвященные влиянию русского языка на развитие осетинской лексики. Так, в [Гуриев 1962] всесторонне обсуждаются русские слова, вошедшие в осетинский, включая их фонетическую адаптацию. Он отмечает, что «осетинский язык из русского заимствовал слова *университет, бригада, парламент, патефон* и т.д. в советскую эпоху, так как только теперь явилась потребность в выражении тех понятий, которые обозначают эти слова» [Гуриев 1962: 7], т.е. для этих русских слов нет осетинских аналогов. Наоборот, в [Дзодзикова, Кульчиева 2016] приводятся примеры использования русских существительных, прилагательных, числительных, глаголов, частиц и междометий, которые употребляются вместо соответствующих осетинских слов.

Анализируемые нами данные собраны в с. Даргавс. Все жители этого села владеют как осетинским, так и русским языком; большинство детей усваивает его как родной — несмотря на повсеместное влияние русского языка, степень сохранности осетинского языка высока. В то же время он относится к «уязвимым» языкам [Moseley 2010].

Мы приведем не только иллюстрации различных типов русских вставок с осетинскими аналогами, как было сделано в [Дзодзикова, Кульчиева 2016], но и представим количественные данные, см. Рис. 1, где показано распределение русских единиц: именные группы > прилагательные > дискурсивные маркеры > числительные > адвербиалы > глаголы > междометия > союзы > предложные группы > частицы > предложения.

Наиболее подробно мы остановимся на способах включения в осетинскую речь русских именных групп, прилагательных, числительных и глаголов. Мы разбили эти примеры на следующие группы:

- Именные группы:
 - (Русское прил. +) русское сущ. без осетинского аффикса
 - (Русское прил. +) русское сущ. с осетинским аффиксом
- Прилагательные / порядковые числительные:

- Русское прил. / числ. + осетинское сущ.
- Русское прил. / числ. с эллипсисом сущ. (с осетинскими аффиксами и без них)
- Русское прил. в предикативной позиции
- Глаголы:
 - Стратегия с легким глаголом¹ (1)
 - Стратегия вставки парадигмы (paradigm insertion) (2)

Мы также сравним наши данные с данными работы [Dyachkov et al. 2020], где описываются русские вставки в речь носителей четырех языков России: ульчского, нанайского, мокшанского и горномарийского, и выявляются корреляции между типом и количеством этих вставок и стадией языкового сдвига. Наши данные согласуются в обобщениями [Dyachkov et al. 2020]: по характеру и количественному распределению русских вставок осетинский ведет себя так, как это и ожидается от языка, не подвергающегося языковому сдвигу.

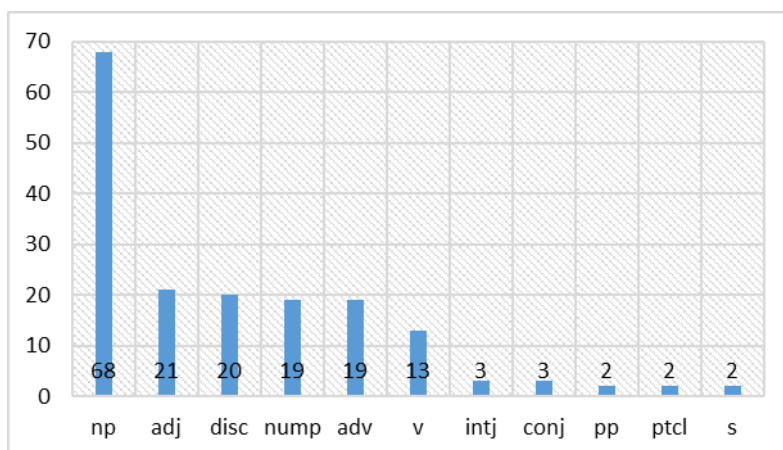
Примеры

(1) *ныр* *раз* *трех-ыл* *отказать* *с-кодт-ай,*
 сейчас *трех-SUPER* PV-делать-PST.2SG
 ‘Раз от трехкомнатной ты отказалась <...>’ [Дома и дети, 15.1]

(2) *æмæ* *арс* *говорит...* *ой,*
 и *медведь*
арс *дзуры...* *ед-æн... Бесекк-æн:*
 медведь *говорить-PRS.3SG* *NES-DAT* *Бесекк-DAT*
 «Нæ *федт-он,* *загъ,* *нæ* *федт-он»*
 NEG PV.видеть-PST.1SG *сказать.IMP.2SG* NEG PV.видеть-PST.1SG
 ‘И медведь говорит Бесекку: «Не видел, скажи, не видел!»’ [Лиса и медведь, 1.5]

Приложение

Рисунок 1. Распределение русских вставок в осетинскую речь: тип составляющей

¹ Стратегия с легким глаголом отмечалась для осетинского также в [Forker 2020]. Классификацию способов оформления иноязычных глаголов, см., например, в типологической работе [Wohlgemuth 2009].

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 3 лицо, DAT — датив, HES — маркер хезитации, IMP — императив, NEG — отрицание, PRS — настоящее время, PST — прошедшее время, PV — преверб, SG — единственное число, super — суперэссив.

Литература

- Валиева З. И. 2012. Особенности функционирования русско-осетинского двуязычия в Республике Северная Осетия — Алания. Вестник ТГПУ 5 (120). 116–119.
- Гуриев Т. А. 1962. Влияние русского языка на развитие осетинской лексики. Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство.
- Дзодзикова З. Б., Кульчиева М. Б. 2016. Русские лексические заимствования в устной разговорной речи осетинского языка. Филологические науки. Вопросы теории и практики 3(57). Тамбов: Грамота. 118–120.
- Камболов Т.Т. 2007. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы. Владикавказ: Издательство СОГУ.
- Belyaev O. 2019. Contact influences on Ossetic. The Oxford Handbook of language contact, ed. by A. Grant. Oxford: Oxford University Press. 467–493.
- Dyachkov V, Khomchenkova I., Pleshak P., Stoynova N. 2020. Annotating and exploring code-switching in four corpora of minority languages of Russia. Computational Linguistics and Intellectual Technologies 19(26). 228–240.
- Forker D. 2020. The late success of Soviet language policy: The integration of Russian verbs in languages of the former Soviet Union. International Journal of Bilingualism. DOI: 10.1177/1367006920947168
- Moseley Ch. (ed.). 2010. Atlas of the World's Languages in Danger, 3rd edn. Paris, UNESCO Publishing. <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas>
- Wohlgemuth J. 2009. A Typology of Verbal Borrowings. Berlin: Mouton de Gruyter.

Елена Александровна Крюкова (ekrjukova@yahoo.com)
Томский государственный педагогический университет

Упрощение глагольной словоформы в современном кетском языке

(For English version see below)

Кетская глагольная словоформа является полисинтетической, в ее состав кроме показателей времени, наклонения может входить существительное, глагольное имя, наречие. У Е. А. Крейновича зафиксированы парадигмы с основами *vij* ‘дует ветер’, *bet* ‘делать’, *ij* ‘убить’, *tet* ‘бить’, *aq* ‘положить’ и др., в словоформу которых может быть инкорпорировано имя [Крейнович 1968: 107, 109, 113].

Число продуктивных глагольных конструкций с элементами инкорпорации ограничено, однако некоторые из них являются достаточно частотными. Например, использование глаголов с основой *bet* ‘делать’, которые описывает А. П. Дульзон [Дульзон 1968: 314], встречается в корпусе кетских текстов¹: порядка 100 случаев употребления, как в примере (1). В качестве инкорпоранта достаточно часто употребляются глагольные основы, заимствованные из русского языка и освоенные носителями кетского языка как продуктивные модели (см. подробнее [Галямина 2012: 98–99]).

В контрольном тексте «Ягодное место», записанном в 2009 году, тоже встречается глагольная словоформа с инкорпорированным словом. В данном тексте рассказчица использует продуктивную модель с основой *bed* ‘делать’ для образования глагола, при помощи русской основы *kormoro* ‘кормить’, пример (2). Употребление в составе кетской глагольной словоформы основы русского глагола в качестве инкорпорируемого элемента наблюдается и в текстах 50–60-ых годов XX века. В основном это понятия, которые не вписывались в кетскую языковую картину мира, такие как *lubed ... bed* ‘любить’, *lobed ... bed* ‘работать’ [Большой словарь... 2015: 734, 757]. Однако в приведенном примере (2) наблюдается переключение кода, когда кетский глагол *tamt ... da* ‘кормить грудью (букв. грудь дать)’ заменяется на глагольную конструкцию, допускающую введение заимствованного инкорпоранта.

В используемом для исследования корпусе кетских текстов замечена определенная тенденция: рассказчики предпочитают имплицитно в глагольной словоформе указывать на субъект и объект, особенно если они не связаны с маркированием топика или фокуса в данном высказывании. В первой клаузе примера (3) субъект и объект, в направлении которого производится действие, выражены эксплицитно, во второй и третьей клаузе объект действия и субъект действия соответственно выражены специальными показателями в самой глагольной словоформе. В русском языке без эксплицитного выражения субъекта не возможно определить его лицо во второй и в третьей клаузе.

В пилотном исследовании контрольный текст «Ягодное место» (год записи: 2009, около 400 словоформ) был сравнен с текстом «Бальна» (год записи: 1959, около 500 словоформ). В результате подсчета количество примеров с имплицитно выраженными субъектом и объектом в составе глагольной словоформы в четыре раза превышает количество подобных конструкций в современном тексте (52 примера употребления в «старом» и 14 примеров употребления в «новом» тексте соответственно).

¹ Корпус кетских текстов объемом 8000 слов: тексты записаны в 50–60 гг. XX века.

В докладе предполагается рассмотреть явления упрощения кетской глагольной словоформы, в основном в указанных направлениях, на материале корпуса кетских текстов 50–60-ых годов и современных текстов, записанных с начала XXI века.

Примеры

(1)

<i>nu, da.ni.ji.ɬavɬ,</i>					<i>qesə</i>		
<i>nu d- anij -il- -e- bet qà -sa</i>							
well 3	thought	PST	EP	make	big		NMZ
ну 3	мысль	PST	EP	делать	большой		NMZ
<i>ta yajuks'ə...</i>							
<i>(di-)</i>	<i>taq</i>	<i>-a-</i>	<i>-j-</i>	<i>-u-</i>	<i>-k-</i>	<i>-si-</i>	<i>a</i>
1SG.SBJ	shoot	NPST	EP	3F.OBJ	TH	NPST	shoot
1SG.SBJ	стрельнуть	NPST	EP	3F.OBJ	TH	NPST	стрельнуть
‘Ну, подумал, большого застрелю...’							

(2)

<i>kormoroolbet</i>				<i>bisʃ...</i>
<i>kormoro -o- -l- bet bš</i>				
feed	PST	PST	make	evening
кормить	PST	PST	делать	вечер
‘Накормила (ее) вечером...’				

(3)

<i>qaj</i>	<i>donneri</i>					<i>baŋa,</i>
<i>qəj</i>	<i>d-</i>	<i>-o-</i>	<i>-n-</i>	<i>-a-</i>		<i>dij</i>
bear	3M.SBJ	PST	PST	3COREF.SG.SBJ	come	I\DAT
медведь	3M.SBJ	PST	PST	3COREF.SG.SBJ	приходить	я\DAT
S1						VI

<i>ta yaj'ble,</i>					
<i>taq</i>	<i>-a-</i>	<i>-j-</i>	<i>-o-</i>	<i>-l-</i>	<i>a</i>
shoot	3M.OBJ	EP	PST	PST	shoot
стрельнуть	3M.OBJ	EP	PST	PST	стрельнуть

(o)V2

<i>tularoq,</i>					
<i>d-</i>	<i>-t-</i>	<i>-o-</i>	<i>-l-</i>	<i>-a-</i>	<i>daq</i>
3M.SBJ	TH	PST	PST	3COREF.SG.SBJ	fall
3M.SBJ	TH	PST	PST	3COREF.SG.SBJ	падать

V3

‘Медведь пришел ко мне, (я) выстрелил, (он) упал’.

Тексты

Бальна // Дульзон А.П. Ученые записки. Т. XX. Вып. 2. Томск: Изд-во Томского университета, 1962. С.149-152.

Человек оленя поймал // там же С. 170-171.

Ягодное место // Новые тетради полевых записей. Верхнеимбатское, 2009 (рукопись).

Литература

Большой словарь кетского языка / ред. Е. Г. Которовой, А. В. Нефедова. Том 2. Muenchen: LINCOS GmbH, 2015. С. 432–943.

Дульзон А. П. Кетский язык. Томск: Изд-во Томского университета, 1968. 631 с.

Галямина Ю. Е. Структурные типы переключения кода в речи носителей исчезающих языков (на материале кетского и эвенкийского языков) // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2012. Вып. 1 (116). С. 96–100.

Крейнович Е. А. Глагол кетского языка. Ленинград: Изд-во «Наука» Ленинградское отделение, 1968. 282 с.

Elena Kryukova (ekryukova@yahoo.com)
Tomsk State Pedagogical University

Simplification of verbal structure in modern Ket

The Ket verb word form is polysynthetic, besides tense, mood its structure can include a noun, verbal noun, adverb. E. A. Kreynovitch recorded paradigms with verb *vij* ‘wind blows’, *bet* ‘make, do’, *ij* ‘kill’, *tet* ‘beat’, *aq* ‘lay’ and others, the word form of which can be incorporated with a noun. [Kreynovitch 1968: 107, 109, 113].

The number of productive verbal constructions with elements of incorporation is limited, however, some of them are quite frequent. For example, the use of verbs with base *bet* ‘make, do’, which are described by A.P. Dulzon [Dulzon, 1968: 314], are encountered in the Ket text corpus¹: about 100 cases of usage, as in Example (1). As incorporant, verbal bases borrowed from Russian and acquired by Ket speakers as productive models, are used quite frequently [see Galyamina 2012: 98-99 for more detail].

In the control text “The Berry Place”, recorded in 2009, there is also encountered a verbal form with incorporated word. In this text, the narrator is using a productive model with the base *bed* ‘make, do’ for forming a verb, with the help of the Russian base *kormoro* ‘feed’, Example (2). The use of a Russian verbal base as an incorporated element is also observed in the texts from 50-60th of XX century. Mostly, these are the notions that could not fit into the Ket linguistic worldimage, such as *lubed ... bed* ‘love’, *lobed ... bed* ‘work’ [Comprehensive dictionary... 2015: 734, 757]. However, in the given Example (2) codeswitching is observed, when the Ket verb *mamt ... da* ‘breast-feed (lit. give breast)’ is replaced with a verbal construction, admitting to enter a borrowed incorporant.

A certain tendency is noted in the Ket texts corpus used for the research: the narrators prefer to point at subject and object implicitly in the verbal word form, especially if they are not related with marking topic or focus in this utterance. In the first clause of Example (3) the subject and object, in which direction the action is taken, are expressed implicitly, in the second and third clauses the object of action and subject of action correspondingly are expressed by special indicators in the very verbal word form. In Russian, without explicit expression of the subject it is not possible to detect it person in the second and third clauses.

In the pilot study, the control text “The Berry Place” (recorded: 2009, about 400 word forms) was compared to the text “Balna” (recorded: 1959, about 500 word forms). As a result of estimation, the amount of examples with implicitly expressed subject and object within the verbal word form is four times bigger the amount of analogue construction in the modern text (52 usage examples in the “old” and 14 usage examples in the “new” text correspondingly).

The report seeks to give consideration to occurrence of simplification of verbal structure, basically in the indicated directions, on the material of the Ket texts corpus of the 50–60th and modern texts, recorded as of the beginning of the XXI century.

¹ The Ket texts corpus, 8000 words: texts recorded in 50–60th of XX century.

Examples

(1)

nu, da.ni.ji.ɬavət, qesə
nu d- aniŋ -il- -e- bet qâ -sa
 well 3 **thought** PST EP **make** big NMZ
 ну 3 **мысль** PST EP **делать** большой NMZ
ta.ɣajuksʲə...
(di-) taq -a- -j- -u- -k- -si- a
 1SG.SBJ shoot NPST EP 3F.OBJ TH NPST shoot
 1SG.SBJ стрельнуть NPST EP 3F.OBJ TH NPST стрельнуть
 ‘Well, (he) **thought**, (I) will shoot a big one’

(2)

kormoroolbet bisʲ...
kormoro -o- -l- bet bîs
feed PST PST **make** evening
кормить PST PST **делать** вечер
 ‘(She) **fed** (her) in the evening...’

(3)

qoj donneri baŋa,
qôj d- -o- -n- -a- dij baŋa
bear 3M.SBJ PST PST 3COREF.SG.SBJ come I\DAT
медведь 3M.SBJ PST PST 3COREF.SG.SBJ **приходить** я\DAT
S I **V I**
ta.ɣajʲole,
taq -a- -j- -o- -l- a
 shoot 3M.OBJ EP PST PST shoot
 стрельнуть 3M.OBJ EP PST PST стрельнуть

(o)V2

tularoq,
d- -t- -o- -l- -a- daq
3M.SBJ TH PST PST 3COREF.SG.SBJ fall
3M.SBJ TH PST PST 3COREF.SG.SBJ падать
V3

‘A bear came to me, (I) shot, (he) fell down.’

Texts

- Bal'na [Balna] // Dulzon A. P. Uchenye zapiski [Scholarly proceedings]. B. XX. Vyp. 2. Tomsk, 1962. P.149–152.
- Chelovek olenya pojmal [A man caught a deer] // Dulzon A. P. Uchenye zapiski [Scholarly proceedings]. B. XX. Vyp. 2. Tomsk, 1962. P. 170–171.
- Yagodnoe mesto [The Berry Place] // Novye tetradi polevykh zapisej [New workbooks of field notes]. Verkhneimbatskoe, 2009 (manuscript).

References

- Comprehensive Dictionary of Ket / ed. by E. Kotorova and A. Nefedov. Vol. II. LINCOM GmbH, 2015. P. 432–943.
- Dulzon A. P. Ketskij jazyk [The Ket Language]. Tomsk, 1968. 631 p.
- Galyamina Yu. E. Strukturnye tipy pereklyucheniya koda v rechi nositelej ischezayushchikh yazykov (na materiale ketskogo i evenkijskogo yazykov) [Structural Typology of Code-Switching in the Texts in Endangered Languages (on the Ket and Evenk Data)] // TSPU Bulletin. 2012. Vyp. 1 (116). P. 96–100.
- Krejnovich E. A. Glagol ketskogo jazyka [The Ket Verb]. — Leningrad: Nauka Publ., 1968. — 284 p.

Сэржема Сергеевна Намдакова (ser.namdackova@yandex.ru)
Кафедра «Иностранные и русский языки» Бурятской государственной
сельскохозяйственной академии им. В. Р. Филиппова, Улан-Удэ

**Грамматические особенности русских глаголов-включений
в устной речи на бурятском языке**

Serzhema Namdakova (ser.namdackova@yandex.ru)
Buryat State Academy of Agriculture, Ulan-Ude

**Grammatical features of Russian verbs-inclusions
in oral speech of Buryat language**

В настоящее время для большинства современных двуязычных бурят характерна реализация речевой деятельности на родном языке в форме смешанной (билингвальной) речи, построенной из единиц двух разных языков, русского и бурятского. В социолингвистике данное явление известно как переключение и смешение кодов.

Исследование устной спонтанной речи на бурятском языке показывает, что в ней широко используется большое количество иноязычных элементов, а именно — единиц русского языка, не принадлежащих системе бурятского языка. Разные по объему иноязычные элементы (одиночные лексемы, группы лексем, словосочетания, части предложений) относятся к различным лексико-грамматическим разрядам слов: существительные, прилагательные, глаголы, числительные, наречия, вводные слова и словосочетания, модальная лексика, союзы. Иноязычные лексемы часто заменяют эквивалентные слова бурятского языка и могут включаться во фразу с разной степенью адаптации или употребляться в исходном грамматическом облике, создавая смешанные бурятско-русские высказывания.

В данной работе представлены результаты изучения механизмов интеграции одиночных глагольных словоформ русского языка (глаголов-включений) во фразу на бурятском языке. Материалом исследования послужили транскрипты аудиозаписей и письменные записи речи активных билингвов-носителей бурятского и русского языков (разного возраста, социального положения и рода деятельности) города Улан-Удэ в ситуациях неофициального общения, собранные методами нестандартизированного интервью, включенного и невключенного наблюдения.

В ходе исследования выявлено и проанализировано большое количество глагольных словоформ русского языка в измененном, «преобразованном» виде. Оказионально заимствуемые из русского языка одиночные глаголы интегрируются в состав устных смешанных высказываний в адаптированном виде, присоединяя к основе те или иные аффиксы бурятского языка: *реша-л-аа-гуй-бди*, *позравля-аа-гуй-гтэ*, *выигрэ-л-ээ*, *сохраня-л-ааб*, *звони-л-ооб*, *принима-л-даг*, *сдава-л-ха*, *организова-л-ае* и др. Примеры: — *Таанад үшөө поздравлялаагуйгтэ? / Вы еще не поздравляли?*; — *Тэндэ хэдыдэхибта гэртэ принималдаг гэлдэнэ. / Говорят, там в каком-то доме принимает*; — *А ши юумэ выигрэлээ хэн гүй? / А ты что-нибудь выиграла?*; — *Экзамен сдалалха хадаа, мүнөө ябажа эхилэлхэ хэрэгтэй. / Раз будете сдавать экзамен, нужно сейчас начать ходить.*

Проявляют высокую частотность употребления в устной смешанной речи билингов глаголы русского языка с аффиксами бурятских соединительных деепричастий, например: *пережива-л-жа, копи-л-жо, работа-л-жа, строи-л-жо, отдыха-л-жа* и др. Примеры: — *Ехэ переживаалжа унтаагуйб. / Не спала, очень сильно переживала;* — *Энэ мунгөө мунөө копилжо эхилээрээгты, арбан долоон жэл соо яһала процент болоно ааб даа. / Начните сейчас копить эти деньги, через семнадцать лет довольно много процентов прибавится.*

Также выявлены в смешанных высказываниях глаголы, присоединяющие к своей основе аффиксы разделительных деепричастий бурятского языка: *распределя-л-аад, участвова-л-аад, репетировэ-лээд, готови-л-оод, звони-л-оод* и др. Примеры: — *Эдэ обязанностья түрүүн распределялаад, һүүлдэн эхилүүжэбди. / Сначала распределим эти обязанности, и потом начнем;* — *Басаганинь дангинын конкурста участвовалаад, первэ местэ абаа гэжэ дуулаа һэн гут? / Вы слышали, их дочь участвовала в конкурсе "Дангина" и заняла первое место?*

Зафиксированы случаи употребления неадаптированного русского инфинитива в сочетании со вспомогательными глаголами бурятского языка *болохо* ('сделаться, становиться'), которые образуют смешанное составное глагольное сказуемое: *заниматься болохо, договариваться болохо, защищаться болохо*. Например: *Номоол һайн үзэхэ, заниматься болохо хэрэгтэй гэжэ ходол хэлэжэ байхааш. / "Хорошо учиться, заниматься надо", — говоришь всегда;* — *Хэзээ защищаться болохо биеэ? / Когда будешь защищаться?* Такие словоформы возможно отнести к полусвоенным единицам, так как имеют грамматические признаки обоих языков.

Как показывают примеры, окказионально заимствуемые, одиночные глаголы русского языка легко интегрируются в предложения на бурятском языке путем присоединения к основе различных морфологических формантов бурятского языка. Некоторые элементы, сохраняя формальные признаки русского языка и сочетаясь со вспомогательными глагольными формами бурятского языка, частично адаптируются и образуют смешанные формы. Примечательно, что включение как адаптированных, так и частично адаптированных элементов русского языка не нарушает синтаксическую структуру бурятского предложения, так как данные единицы в большинстве случаев используются с тем же лексическим значением и выполняют те же синтаксические функции в предложении.

Подобные смешанные высказывания, содержащие адаптированные, полуадаптированные и неадаптированные элементы русского языка, часто наблюдаемы в устной спонтанной речи городских бурят-билингов в ситуациях неофициального общения и проявляют тенденцию расширения сферы использования. Иноязычные элементы как продукт устного дискурса обязаны своим появлением двуязычию (многоязычию) носителей языка, их употребление зачастую бывает окказиональным, зависит от конкретной речевой ситуации и целого комплекса лингвистических и экстралингвистических факторов.

Софья Алексеевна Оскольская (sonypolik@mail.ru)
ИЛИ РАН, Санкт-Петербург
Наталья Марковна Стойнова (stoynova@yandex.ru)
ИРЯ РАН / ИЯз РАН, Москва

Различия в адаптации русских глаголов в двух близкородственных языках: нанайский и ульчский

(For English version see below)

Доклад посвящен морфологической адаптации русских глаголов в нанайском и ульчском языках (близкородственных идиомах одной подгруппы тунгусо-маньчжурской семьи). Адаптация глагольных заимствований хорошо исследована, в т.ч. на широком типологическом материале (см. [Moravcsik 1975]; [Wichmann, Wohlgemuth 2008]; [Wohlgemuth 2009]), на материале отдельных языковых семей (см., например, [Баранова 2020] о монгольских языках) и ареалов (см. в особенности недавнюю статью [Forker, в печати] об адаптации глагольных заимствований в языках России). Сформулированы в т.ч. обобщения о предпочтении тех или иных стратегий в языках и контактных ситуациях того или иного типа. Однако это тенденции, а не жесткие закономерности, и встречаются случаи, когда в одном и том же языке конкурирует несколько стратегий или в языках, близких по всем параметрам, глагольные заимствования адаптируются очень по-разному. Одну из таких ситуаций мы подробно рассмотрим в докладе и попробуем предложить объяснения наблюдаемым различиям — апеллирующие не к общим, а к частным свойствам данных двух языков (в т.ч. к тонким различиям в их морфологии).

Несмотря на генетическую и структурную близость, при адаптации русского глагола нанайский и ульчский языки используют принципиально разные стратегии. В нанайском языке зафиксирована **стратегия непрямой вставки** (indirect insertion, см. [Wohlgemuth 2009]): к основе русского глагола присоединяется нанайский вербализатор *-IA¹*, за которым следуют морфологические показатели, свойственные нанайским глаголам, см. пример (1). Для ульчского языка характерна **прямая вставка** (direct insertion): ульчские показатели присоединяются непосредственно к основе русского глагола, см. (2).

В докладе обе стратегии будут рассмотрены более подробно на материале полевых коллекций устных текстов. Будет дана **характеристика русской основы**, которая выбирается в разных случаях:

- аспектуальная характеристика (СВ vs. НСВ);

- морфологический тип (основа прошедшего времени (инфинитива) vs. презенса (императива), маргинально — полная форма инфинитива).

И то, и другое различается для разных русских глаголов и для разных глагольных форм в нанайском/ульчском, ср. ульч.: *sovetova-mi* ‘посоветовавшись’ (основа прош.вр.) и *pojmaj-ra* ‘поймав’ (основа презенса).

Будет описано **особое поведение возвратных глаголов**: ср. три разных случая в (3) — а) опущение возвратного постфикса, б) образование непосредственно от формы инфинитива с возвратным постфиксом и в) от нее же, но с вербализатором. Будут рассмотрены морфонологические процессы на стыке

¹ Возможно, имеет место также контаминация с русским показателем прошедшего времени, см. подробнее [Oskolskaya, Stoynova 2013].

русской основы с тунгусскими показателями (ср. [u] перед показателем деепричастия в (2)).

Мы также покажем, какие **типы тунгусских показателей** способны присоединяться к русской основе, а какие нет (аналитические показатели, словоизменительные показатели, показатели продуктивной и непродуктивной деривации) и насколько это зависит от стратегии адаптации.

Отдельно будут рассмотрены **отклонения от основной стратегии**. Так, в ульчском языке маргинальная для него стратегия непрямой вставки может использоваться при образовании ульчских глаголов от русских имен и от части возвратных глаголов (*počta-la-xam* [почта.R-VBLZ-PST.1SG] ‘я возил почту’; *borot'sja-la-mi* [бороться.R.INF.REFL-VBLZ-CVB.SIM.SG] ‘борясь’). В нанайском вместо вербализатора *-la* иногда используется имперфективный суффикс *-č'i* (4).

Детально рассмотрев правила адаптации русских глаголов в нанайском и в ульчском языках, мы выскажем предположения о том, почему в каждом из языков в каждом конкретном случае выбирается именно эта стратегия.

Примеры

- (1) ре̄sem-bə-ni **žari-la**-go-o-ri
печень.R-ACC-3SG **жарить.R-VBLZ**-REP-IMPS-PRS
‘...печень жарят’.
(нанайский, rchk_110807_ns_Jukola)
- (2) malta ulsə-wə-ni, simsə-wə-ni **žaru-m**
дельфин мясо-ACC-3SG жир-ACC-3SG **жарить.R-CVB.SIM.SG**
‘Когда дельфинье мясо, жир жарят...’
(ульчский, mkd_20190714_nst_SluchajMamuLechila Shamanka)
- (3a) vojna **nača**-m=gun tamə
война.R **начать.R-CVB.SIM.SG=PTCL** PTCL
‘Когда началась война...’
(ульчский, lpd_171118_nst_SluchajMatjShlalzBogorodska)
- (3б) **materit'sja**-lo-xa-n
материться.R.INF.REFL-INCH-PST-3SG
‘[Шаман] материться стал...’
(ульчский, aid_171110_nst_SluchajShamanZaGranitsej)
- (3в) **molit'sja**-lii bi-č'i-ti
молиться.R.INF.REFL-VBLZ.PRS быть-PST-3PL
‘Они молились’. [Kazama 2008: текст 10, ok)
- (4) əži-ži-j gəsə setka **proverja-č'i**-ji
муж-INS-1SG вместе сетка.R **проверять.R-IPFV.PRS-1SG**
‘Вместе с мужем сети проверяла’.
(нанайский, gak_110806_ns_ZamuzhVDzhuen)

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; CVB — деепричастие; IMPS — имперсонал; INCH — инхоатив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; IPFV — имперфектив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; R — русская морфема; REFL — рефлексив; REP — рефактив; SG — единственное число; SIM — одновременность; VBLZ — вербализатор.

Литература

- Баранова В.В. Адаптация глагольных заимствований в монгольских языках // Урало-алтайские исследования, 3(38). 2020. С. 7–18.
- Forker D. The late success of Soviet language policy: The integration of Russian verbs in languages of the former Soviet Union. Accepted for publication in the International Journal of Bilingualism.
- Kazama Sh. Ulcha oral literature 4. Publications on Tungus Languages and Cultures, 43. Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, 2008.
- Moravcsik E. Borrowed verbs // Wiener Linguistische Gazette, 8. 1975. P. 3–30.
- Oskolskaya S., Stoynova N. The *la*-form: Russian verbs in Nanai speech // Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics, 4(2): Special issue "Areal linguistics, grammar and contacts", 2013. P. 99–116.
- Wichmann S., Wohlgemuth J. Loan verbs in a typological perspective // Aspects of Language Contact // Stolz T., Bakker D., Palomo R.S. (Eds.) Berlin/New York, 2008. P. 89–121.
- Wohlgemuth J. A Typology of Verbal Borrowings. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009.

Sofia Oskolskaya (sonypolik@mail.ru)
Institute for Linguistic Studies, RAS, Saint-Petersburg
Natalia Stoyanova (stoyanova@yandex.ru)
Russian Language Institute, RAS / Institute of Linguistics, RAS

Two similar languages borrow verbs in different ways: Russian verb loans in Nanai and Ulcha

The paper deals with morphological adaptation of Russian verbs in two closely-related Tungusic languages, i.e. Nanai and Ulcha (Khabarovsk Krai, Russia). Strategies of loan-verb adaptation are well-studied both cross-linguistically (Moravcsik 1975; Wichmann & Wohlgemuth 2008; Wohlgemuth 2009) and in particular language groups (cf., e.g., Baranova 2020 on Mongolic) and areas (see especially Forker, in press on Russian verbs in indigenous languages of Russia). In particular, some correlations between preferred borrowing strategies and structural features of languages, their genetic and areal affiliation, and properties of contact situations were revealed. However, these are rather tendencies than strict rules. First, several adaptation strategies often compete in one and the same language. Second, languages, very close with respect to all the aforementioned parameters, sometimes treat verb loans in very different ways. In the paper, we will consider the latter case on the data of Russian verbs in Nanai vs. Ulcha and propose an explanation for the attested differences, appealing not to general features of the two languages, which are very similar, but to more fine-grained distinctions in morphosyntax.

Despite their genetic closeness and structural similarity, Nanai and Ulcha demonstrate different strategies of morphosyntactic adaptation of Russian verbs. Nanai uses the strategy of “indirect insertion” in terms of Wohlgemuth (2009): the Nanai verbalizer *-IA*¹ is inserted between the Russian stem and the Nanai inflection markers (1). In contrast, Ulcha uses the strategy of “direct insertion”, i.e. Ulcha inflection markers attach directly to Russian stems (2).

We will consider both strategies more in detail based on the data of Nanai and Ulcha oral spontaneous texts recorded in the field. The following parameters will be discussed in detail for both languages.

I. The choice of the Russian stem with respect to:

- its aspectual characteristics (perfective vs. imperfective);
- its morphological type (past/infinitive stems vs. present/imperative stems vs. full infinitive forms).

The choice depends both on the Russian verb itself and on the Tungusic verbal form, cf. Ulcha *sovetova-mi* ‘having consulted’ (the past tense stem) vs. *pojmaj-ra* ‘having caught’ (the present tense stem).

II. A specific behavior attested among reflexive verbs, cf. three different options in (3): a) the Russian reflexive postfix *-sja* is omitted; b) Tungusic inflection markers attach to the full Russian infinitive form including *-sja*; c) Tungusic inflection markers attach to the same infinitive form, the verbalizer *-IA* is inserted before inflection markers.

III. Morphophonological processes that accompany the adaptation of Russian verbs, see [u] before the converb marker in (2).

¹ Probably, it is also contaminated with the Russian past tense marker, see Oskolskaya & Stoyanova (2013) for more detail.

IV. Restrictions on Tungusic inflection. We will show which types of Tungusic markers can be used with Russian verbs (inflectional synthetic markers, analytical markers, productive / non-productive derivational markers) and how it correlates with the strategy of verb adaptation.

V. Deviations from the main adaptation strategy. For instance, Ulcha, which uses the direct insertion strategy as the main one, allows the indirect strategy when Tungusic verbal forms derive from Russian nouns and from some reflexive verbs (*počta-la-xam* [post.R-VBLZ-PST.1SG] ‘I delivered post’; *borot’sja-la-mi* [fight.R.INF.REFL-VBLZ-CVB.SIM.SG] ‘while fighting’). In Nanai, the imperfective suffix *-či* is sometimes used instead of the verbalizer *-IA* (4).

Based on detailed description and comparison of the rules of Russian verb adaptation in Nanai vs. in Ulcha, we will hypothesize why each of the languages chooses a specific adaptation strategy in each particular case.

Examples

- (1) pečem-bə-ni **žari-la**-go-o-ri
liver.R-ACC-3SG **grill.R-VBLZ**-REP-IMPS-PRS
‘... One grills the liver.’
(Nanai, rchk_110807_ns_Jukola)
- (2) malta ulsə-wə-ni, simsə-wə-ni **žaru-m**
dolphin meat-ACC-3SG lard-ACC-3SG **grill.R-CVB.SIM.SG**
‘When one grills dolphin meat or lard...’
(Ulcha, mkd_20190714_nst_SluchajMamuLechila Shamanka)
- (3a) vojna **nača**-m=gun tamə
war.R **start(tr).R-CVB.SIM.SG=PTCLPTCL**
‘When the war started...’
(Ulcha, lpd_171118_nst_SluchajMatjShlaIzBogorodska)
- (3b) **materit’sja**-lo-xa-n
swear.R.INF.REFL-INCH-PST-3SG
‘(The shaman) started to swear...’
(Ulcha, aid_171110_nst_SluchajShamanZaGranitsej)
- (3c) **molit’sja**-lii bi-či-ti
pray.R.INF.REFL-VBLZ.PRS be-PST-3PL
‘They were praying.’
(Ulcha, Kazama 2008: text 10, ok)
- (4) əži-ži-j gəsə setka **proverja-či**-ji
husband-INS-1SG together net.R **check.R-IPFV.PRS-1SG**
‘She was checking nets together with her husband.’
(Nanai, gak_110806_ns_ZamuzhVDzhuen)

Abbreviations

1, 2, 3 — 1, 2, 3 person; ACC — accusative; CVB — converb; IMPS — impersonal; INCH — inchoative; INF — infinitive; INS — instrumental; IPFV — imperfective; PRS — present tense; PST — past tense; PTCL — particle; R — Russian; REFL — reflexive; REP — repetitive; SG — singular; SIM — simultaneous; TR — transitive; VBLZ — verbalizer.

References

- Baranova V. V. Adaptacija glagol'nyh zaimstvovanij v mongol'skih jazykah [Adaptation of verb loans in Mongolic] // *Uralo-altajskie issledovanija*, 3(38). 2020. С. 7–18.
- Forker D. The late success of Soviet language policy: The integration of Russian verbs in languages of the former Soviet Union. Accepted for publication in the *International Journal of Bilingualism*.
- Kazama Sh. Ulcha oral literature 4. *Publications on Tungus Languages and Cultures*, 43. Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, 2008.
- Moravcsik E. Borrowed verbs // *Wiener Linguistische Gazette*, 8. 1975. P. 3–30.
- Oskolskaya S., Stoynova N. The *la*-form: Russian verbs in Nanai speech // *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*, 4(2): Special issue "Areal linguistics, grammar and contacts", 2013. P. 99–116.
- Wichmann S., Wohlgemuth J. Loan verbs in a typological perspective // *Aspects of Language Contact* // Stolz T., Bakker D., Palomo R.S. (Eds.) Berlin/New York, 2008. P. 89–121.
- Wohlgemuth J. *A Typology of Verbal Borrowings*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009.

Acknowledgements

The research is supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant 17-29-09097 “Typology of the Mechanisms of Interaction between Russian and the Languages of Small-numbered peoples of Russia”.

Anastasia Panova (anastasia.b.panova@gmail.com)

Tatiana Philippova (philippo@post.bgu.ac.il)

HSE University, Moscow

Preposition drop in Russian spoken in Daghestan: a quantitative corpus study

Анастасия Борисовна Панова (anastasia.b.panova@gmail.com)

Татьяна Анатольевна Филиппова (philippo@post.bgu.ac.il)

НИУ ВШЭ, Москва

Опущение предлогов в русской речи носителей языков Дагестана: квантитативное корпусное исследование

Preposition drop (P-drop) in locative, directional and/or temporal phrases has been observed in many languages and language varieties, including Eastern Armenian and Modern Greek, Italian and British English dialects, creole languages and contact-influenced varieties of German and Russian. Four types of analyses have been proposed to explain P-drop:

a) accounts appealing to phonetic interference with other languages (Stoynova 2019);

b) accounts appealing to morphosyntactic interference with other languages (Wiese 2009; Daniel et al. 2010; Shagal 2016; Stoynova 2019 a.o.);

c) markedness-based accounts suggesting that some prepositions tend to be dropped due to their semantic unmarkedness (Comrie 1986; Haspelmath 2019);

d) formal syntactic accounts positing exceptional structure for P-drop constructions (Longobardi 2001; Ioannidou & Den Dikken 2009; Biggs 2015; Bailey 2018 a.o.).

In this talk we will present a quantitative analysis of P-drop in the Russian speech of people from Highland Daghestan. Our data come from the DagRus corpus (<http://www.parasolcorpus.org/dagrus/>) consisting of interviews with speakers from 25 villages, with a Nakh-Daghestanian or Turkic language as L1 (228 thousand tokens, 31 hour). The dataset consists of 2350 PPs (50 PPs from each of the 47 speakers). Each PP was annotated for P-drop and several sociolinguistic and linguistic parameters. We fitted a logistic mixed-effects regression model to determine which parameters are significant predictors for P-drop. We conclude that the most powerful predictors of P-drop are preposition type and the speakers' fluency in Russian.

The preposition type factor amounts to the distinction between the Russian prepositions *v* 'in(to)' and *na* 'on(to)', which are the only ones that are systematically dropped, and the rest. A plausible motivation for the observed pattern is that in core contexts like (1)-(3) these prepositions have very abstract semantics and can be dropped without a significant loss of meaning. This explanation resembles the aforementioned markedness-based account: contexts like (1)-(3) can be considered unmarked.

The significance of the fluency in Russian factor indicates that speakers who are more fluent in Russian tend to omit prepositions less frequently than those whose speech considerably deviates from the L1 benchmark. We propose that it has to do with the specifics of acquiring an L2 with a prepositional system by native speakers of postpositional languages (Nakh-Daghestanian and Turkic in our case). In these languages, spatial and temporal location is encoded to the right of the nominal (by case suffixes and postpositions), whereas in Russian the nominal may be marked both on the left (by prepositions) and on the right (by case suffixes). Therefore, we may expect

that an individual who has not fully mastered the Russian prepositional system will tend to omit, rather than replace or insert a preposition in case of uncertainty (cf. Celce-Murcia & Larsen-Freeman 1983: 261; Jarvis & Odlin 2000 for these three different strategies employed by L2 speakers). This explanation is close to accounts of P-drop appealing to morphosyntactic interference with other languages, however, influence of the consultants' L1 on their Russian speech is more general than interference with case and postpositional systems of a particular L1: it is the absence of marking of the NP's left-edge in the speakers' L1 that makes the acquisition of the Russian prepositional system a particularly challenging task.

Thus, our account combines and complements insights from previous research, providing a more general, bipartite explanation.

Examples

- (1) [v] *Čečnju vozili kartošku*
'to Chechnya (we) brought potatoes'
- (2) [na] *xlebozavode rabotala*
'(she) worked at the baking factory'
- (3) [v] *četyrnadcatom godu rodilas'*
'(she) was born in (19)14'

References

- Bailey, L. R. 2018. Some characteristics of Southeast English preposition dropping. *Iberia: An International Journal of Theoretical Linguistics*, 10, 48–70.
- Biggs, A. 2015. A new Case for A-movement in Northwest British English. In U. Steindl, Th. Borer, H. Fang, A. Garcia Pardo, P. Guekguezian, B. Hsu, C. O'Hara & I. Chuoying Ouyang (Eds.), *Proceedings of the 32nd West Coast Conference on Formal Linguistics* (pp. 218–227). Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project.
- Celce-Murcia, M., & Larsen-Freeman, D. 1983. *The grammar book: An ESL*. Mexico: Harla.
- Comrie, B. 1986. Markedness, grammar, people, and the world. In F. R. Eckman, E. A. Moravcsik & J. R. Wirth (Eds.), *Markedness* (pp. 85–106). Boston, MA: Springer.
- Daniel, M., Knyazev, S., & Dobrushina, N. 2010. Highlander's Russian: Case Study in Bilingualism and Language Interference in Central Daghestan. In A. Mustajoki, E. Protassova & N. Vakhtin (Eds.), *Russian Language in the Multilingual World* (pp. 65–93). *Slavica Helsingiensia*, 40. Helsinki: University of Helsinki.
- Haspelmath, M. 2019. Differential place marking and differential object marking. *STUF — Language Typology and Universals*, 72(3), 313–334.
- Ioannidou, A., & Den Dikken, M. (2009). P-drop, D-drop, D-spread. In C. Halpert, J. Hartman & D. Hill (Eds.), *Proceedings of the 2007 Workshop in Greek Syntax and Semantics at MIT* (pp. 393–408). *MIT Working Papers in Linguistics*, 57. Cambridge, MA: MIT Press.
- Jarvis, S., & Odlin, T. 2000. Morphological type, spatial reference, and language transfer. *Studies in Second Language Acquisition*, 22(4), 535–556.
- Longobardi, G. 2001. Formal Syntax, Diachronic Minimalism, and Etymology: The History of French *Chez*. *Linguistic Inquiry*, 32, 275–302.
- Shagal, K. 2016. Contact-induced grammatical phenomena in the Russian of Erzya Speakers. In K. Shagal & H. Arjava (Eds.), *Mordvin languages in the field* (pp. 363–377). *Uralica Helsingiensia*, 10. Helsinki: University of Helsinki.

- Stoynova, N. 2019. Russian in contact with Southern Tungusic languages: Evidence from the Contact Russian Corpus of Northern Siberia and the Russian Far East. In A. Nikunlassi & E. Protassova (Eds.), *Russian Language in the Multilingual World* (pp. 9–36). *Slavica Helsingiensia*, 52. Helsinki: University of Helsinki.
- Wiese, H. 2009. Grammatical innovation in multiethnic urban Europe: New linguistic practices among adolescents. *Lingua*, 119, 782–806.

Acknowledgements

The research was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program and funded by the Russian Academic Excellence Project ‘5-100’.

Christian Pischlöger (christian.pischloeger@gmail.com)
University of Vienna
Ekaterina Zhdanova
ISTU, Izhevsk

**The lisping pronunciation of sibilants in Russian dialects of Udmurtia:
A Permic substrate?**

Кристиан Пишлөгер (christian.pischloeger@gmail.com)
Университет Вены
Екатерина Анатольевна Жданова
ИСТУ, Ижевск

**Шипящее произношение сибилантов в русских диалектах Удмуртии:
пермский субстрат?**

In Russian dialects of Udmurtia a “lisping pronunciation” («шепелявое произношение») of the sibilants [z'] and [s'] is reported, e.g. с^{'ш'}ила (< russ. сила ‘power’), з^{'ж'}има (russ. зима ‘winter’), фс^{'ш'}о (russ. всё ‘all, everything’), з^{'ж'}ерно (russ. зерно ‘grain’), and explained by the history of the settlement in the region, i.e. Russian speakers originating from different regions with their respective dialects on the one hand and the neighbouring native population, i.e. Udmurts and Tatars, on the other hand. No further evidence about the suspected origin of the divergent dialectal pronunciation is provided (Mart’janova 2004: 40; here and in the following examples are quoted in the same manner as given in the source). But the well known synchronic pronunciation patterns of sibilants by recent Russian-Permic bilinguals (“[p]еализация шепелявых [s‘] и [z‘] вместо русских [s] и [z] [...]: [s‘]юда, [z‘]имой, Ча[z‘]ёво”, Erofeeva 2013: 59) suggest rather Udmurt (or more general Permic) influence than Tatar, in which this pronunciation at least to my knowledge is unknown (there might be similar patterns in Їрса-Tatar but no data can be provided here by now).

Since the Permic languages share qualitatively the same phoneme inventory, only in a different quantitative distribution, the results of the above mentioned Komi(-Permyak) study (Erofeeva 2013) could be transferred to Udmurt. The described synchronic interferences of bilingual Udmurt-Russian social media users can be — at least indirectly - shown in the social networks of the internet, based on the spelling observed on a network like *Vkontakte*. In the Udmurt Social Media sub-corpus of the *Volga-Kama-Languages* (Arkhangelskiy 2019) e.g. the following Russian loan nouns can be found: *эликцир* (< russ. эликсир ‘elixir, tonic’), *щемья* (< семья ‘family’), etc. Conversely, one can also find Udmurt forms such as *бацто*, *пумицком* or *ажьялань* which should be written in accordance to the rules of the standard language *басъто*, *пумисъком*, *азьялань* respectively. Several reasons for these spelling variants can be suspected, e.g. an ironic mimicking as an allusion to the “Udmurt pronunciation” as in *эликцир* and *щемья* or the attempt to reproduce the pronunciation of Udmurt palatal [s'] and [z'] as faithfully as possible by people who have not received any formal writing training in their native Udmurt using layman orthography (cf. *бытовая графическая система* in Zaliznjak 2004: 21–23) which is shaped by Russian rules.

Regardless of the motivations for the non-standard spellings mentioned above these synchronic examples show that Permic substrate is much more likely than Tatar. This is underpinned by the fact that this phenomenon can be found only in recent Russian-Permic but not in Russian-Tatar bilinguals in the same region

(Erofeeva 2013: 55). Even in the case that Russian settlers brought similar (?) lisping pronunciation patterns from their dialect regions to today's Udmurtia, the Permic pronunciation could have had at least a preservative effect in local Russian dialects.

Literature

- Arkhangelskiy, T. Corpora of Social Media in Minority Uralic Languages. In Proceedings of the Fifth International Workshop on Computational Linguistics for Uralic Languages, 125–40. Tartu, Estonia: Association for Computational Linguistics, 2019.
- Ерофеева, Е. В. Фонетические особенности русской речи билбигвов пермского края: языковые контакты и языковой континуум. Вестник пермского университета 1, № 21 (2013): 51–62.
- Мартьянова, В. Н. Слово в русских говорах Удмуртии. Глазов: ГГПИ, 2004.
- Зализняк, А.А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995-2003 г. Studia philologica. Москва: Языки славянской культуры, 2004.

Зоя Ивановна Резанова (rezanovazi@mail.ru)

Томский государственный университет

Денис Михайлович Токмашев

Томский государственный университет, Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники

Фрагмент разметки в лингвистическом корпусе RuTuViC.

Переключение кода или лексическое заимствование?

(For English version see below)

В докладе вынесена на обсуждение одна из проблем специализированной разметки корпуса устной речи тюркско-русских билингвов (RuTuViC), создаваемого в проекте «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур».

Основное содержание лингвистического аннотирования — морфологическая разметка на основе MyStem и ручная разметка отклонений от речевого стандарта, в качестве которого авторами приняты нормы русской письменной литературной речи. Одна из основных задач корпуса — зафиксировать отклонения от речевого стандарта (ОРС), обусловленные влиянием родных тюркских языков на речевые практики русскоговорящих билингвов. Однако принятая в корпусе система аннотирования ОРС позволяет проводить более широкий круг исследований, нежели анализ межъязыковых интерферентных процессов, так как часть ОРС в речи респондентов обусловлена влиянием условий и норм устной спонтанной речи и русской просторечной и диалектной среды языкового существования наших респондентов. При аннотировании фиксируется уровневый статус ОРС и его подтип.

В качестве типовых ОРС на лексическом уровне выделяем: [Lex] — диалектизмы, просторечные слова, другие словоупотребления, находящиеся за пределами литературной нормы, а также заимствования из тюркских языков, не вошедшие в словари русского литературного языка, или включаемые с пометами. «тюрк.», «рег.»; [LexId] — идиоматические выражения, не фиксирующиеся в литературном языке (диалектные и просторечные, жаргонные и под.), могут быть кальками из тюркских языков; [LexSem] — общерусское слово, использование в ином значении по отношению к зафиксированному в нормативных источниках; [LexSemAgr] — нарушение норм лексико-семантического согласования; [CodeSw] — переключение кодов, включение в спонтанную русскую речь элементов родного языка.

В процессе практического маркирования соответствующих текстовых фрагментов тегами [Lex] и [CodeSw] встает проблема границ в некоем лексическом континууме, на линии непрерывных переходов. Для пометы [Lex] маркерами такой границы «слева», то есть границы с нормативным вариантом, является фиксация в нормативных источниках, кодификация нормы (словари литературного языка, академические грамматики) без маркирования ограничений функционирования (*Ну, потому что, если забодает, и всё, и капец* [Lex] (конец) *мне пришёл; Вообще аристократка, то есть если у неё там в стайке* [Lex] (хлеву) *будет как-то грязно*). Переходная зона «слева» — в самой языковой системе — размытость (подвижность) границ просторечия и разговорного стиля литературного языка, отраженная в непоследовательности маркирования в словарях. На границе справа «единицы», получающие помету «Lex» —

единицы, освоенные на всех уровнях системы, вошедшие в словари, например, *Поэтому, ну, когда кро..., а когда камлают [Lex] и проводят обряд...*

Далее «справа» находятся иноязычные вкрапления (чаще всего — из родного языка), 1) включение фраз («*Я — горит — тока могу сказать «Ақча бар?»*» — это «*Деньги есть?*»), целостных фрагментов, например, исполнение песни на родном языке: 1) включение фразы; 2) включение лексической единицы, имеющие а) показатели неосвоенности единицы другого кода в принимающей системе: в орфографии (*и я всех в кучу собираю: и ансамбль «Чылтыс», «Ақ Чайак», школу-интернат, все*), в фонетике и морфологии; б) дискурсивные маркеры переключения кодов (метаязыковые показатели). Маркеры могут сочетаться: *Эта..., или обращение, там, двоюродного брата, супругу называют, например, ныгджем, младший к старшему: ныгджем*; быть разнонаправленными: *А вот с нашего «Чылтыса» — тоже человек шесть, наверно...; такие самодовольные и говорят: «Зоя, представляешь! Мы «Чылтыса» слушали».*

Zoya Ivanovna Rezanova (rezanovazi@mail.ru)

Tomsk State University

Denis Mikhailovich Tokmashev

Tomsk State University / Tomsk State University of Control Systems and
Radioelectronics

Markup fragment in the RuTuBiC linguistic corpus. Code switching or lexical borrowing?

The report deals with one of the problems of the specialized markup of the Turkic-Russian oral speech bilingual corpus (RuTuBiC) created under the project "Linguistic and Ethnocultural Diversity of Southern Siberia in Synchrony and Diachrony: the Interaction of Languages and Cultures".

The main content of linguistic annotation is morphological markup based on MyStem and manual markup of deviations from the speech standard, understood by the authors as the norms of Russian written literary speech. One of the main tasks of the corpus is to detect the deviations from the speech standard (DSS) caused by the influence of the native Turkic languages on the speech practices of Russian-speaking bilinguals. However, the DSS annotation system adopted in the corpus allows a wider range of studies to be carried out than the analysis of interlingual interference processes, since DSS in the speech of the respondents is partly due to the influence of the conditions and norms of spontaneous oral speech as well as the Russian vernacular and dialectal environment of our respondents. When annotating, the DSS level status and its subtype are fixed.

As typical DSS at the lexical level, we single out: [Lex] — dialectal units, common words, other word usage cases that are outside the literary norm, as well as borrowings from the Turkic languages that are not included in the dictionaries of the Russian literary language, or are included with marks. "Turk.", "Reg."; [LexId] — idiomatic expressions that are not fixed in the literary language (dialectal and vernacular, slang, etc.), can also be Turkic calques; [LexSem] — general Russian word, use in a different meaning in relation to that fixed in the normative sources; [LexSemAgr] — violation of the lexical and semantic agreement norms; [CodeSw] — code switching, insertion of native language elements into spontaneous Russian speech.

In the process of practical marking of the corresponding text parts with [Lex] & [CodeSw] tags, there arises a problem of boundary marking in a certain lexical continuum, on the line of continuous transitions. Ascribing in normative sources & norm codification (dictionaries of the literary language and academic grammars) are assigned by the [Lex] tag, to label such a border "on the left", i.e. the border with the normative variant, without marking functional limitations (*Ну, потому что, если забодает, и всё, и капец [Lex] (конец) мне пришёл; Вообще аристократка, то есть если у неё там в стайке [Lex] (хлеву) будет как-то грязно*).

In the language system itself, the transitional "left" zone is the boundary blurring (mobility) of the vernacular and colloquial style of the literary language, reflected in the inconsistency of labeling in dictionaries. On the border to the right, "units" receiving the "Lex" label are units mastered at all levels of the system, included in the dictionaries, for example: *Поэтому, ну, когда кро..., а когда камлают [Lex] и проводят обряд...*

Further "to the right" are foreign language inclusions (most often — from one's ethnic language), like: 1) the inclusion of phrases ("*Я — горит — тока могу сказать*

«Ақча бар?» — это «Деньги есть?»), whole fragments, for example, song performance in one's ethnic language: 1) inclusion of a phrase; 2) inclusion of a lexical unit, that have (a) indicators of undermastering the unit of another code in the receiving system: in spelling (*и я всех в кучу собираю: и ансамбль «Чылтыс», «Ақ Чайак», школу-интернат, все*), phonetics and morphology; (b) discursive markers for switching codes (metalinguistic indicators). Markers can be combined: *Эта..., или обращение, там, двоюродного брата, супругу называют, например, ныгджем, младший к старшему: ныгджем*; or be multidirectional: *А вот с нашего «Чылтыса» — тоже человек шесть, наверно...; такие самодовольные и говорят: «Зоя, представляешь! Мы «Чылтыса» слушали».*

*Кирилл Игоревич Семенов (kir.semenow@yandex.ru)
Институт проблем передачи информации РАН, Москва*

**Нелегкий путь от мехов до «Катюш»:
наследует ли адаптация русских слов в современном китайском
русско-китайскому пиджину?**

(For English version see below)

Русский и китайский языки имеют многовековую историю контактов. Так, на протяжении последних столетий в приграничных зонах России и Китая существует ряд идиомов, обозначаемых зонтичным термином «русско-китайский (кяхтинский, сибирский) пиджин» (далее — Пиджин); языком-лексификатором к которым стал русский. Лексикографические исследования, проводимые с середины XX в., показывают, что немалое количество лексических заимствований из русского языка наблюдается и в стандартном языке КНР — путунхуа.

В исследованиях, затрагивающих историю влияния русского языка на китайский язык и его диалекты (в первую очередь в сфере лексических заимствований), нередко предполагается преимущество характеристик, которые свойственны адаптации русских слов в Пиджине и в путунхуа [Ин, Шипановская, 2016, с. 146], в ряде работ также не различаются лексикон Пиджина и прямые заимствования из русского в путунхуа — см. [Ма, 2015, с. 353], [Сушкова, Сунь, 2014, с. 189], [Шипановская, Ин, 2016, с. 114]. При этом наша недавняя работа [Семенов, 2020] показывает, что многие особенности фонетической адаптации, общие для русских заимствований в Пиджине и в путунхуа, вполне объясняются универсалиями фонетической адаптации заимствований, описываемыми в частности внутри парадигмы R-map [Steriade, 2001] на материале различных языков, включая китайский — [Miao, 2005]. Целью нашей работы стало более подробное исследование того, в какой степени можно считать русские заимствования в путунхуа «наследниками» русских заимствований в Пиджине.

Исследование проведено на двух группах данных. К документам, описывающим лексикон Пиджина, относится русскоязычный корпус Пиджина, собранный в [Перехвальская, 2008, с. 138–198] на основании всех доступных русских источников, а также сборник [Словари кяхтинского пиджина, 2017], объединяющий словари, созданные в XVIII–XIX вв. носителями китайских диалектов. Корпус данных, касающихся русских заимствований в путунхуа, включает два словаря китайских заимствований ([刘] (Liu), 1985) и [岑] (Cen), 1990]), а также автоматически скачанные данные статей китайской Википедии, содержащих в заголовках русские имена собственные. Мы использовали два количественных метода для сравнения процессов адаптации русских слов в Пиджине и в путунхуа: первый позволил измерить степень общности лексикона, второй — морфологических и фонетических трансформаций. Исследования были выполнены при помощи языка программирования Python.

Первый метод состоял в подсчете набора русских лексем, которые попали в каждый документ, и сравнении того, насколько велики пересечения между получившимися множествами. Гипотеза заключалась в том, что чем больше пересечения, тем больше основания предполагать преимущество между идиомами. Результаты этого исследования показали, что множества русских исходных слов, адаптированных в Пиджине и в путунхуа, пересекаются очень

слабо. Единственным исключением является набор данных Википедии, который показывает пересечение в 250 лексем с вхождениями из Пиджина, взятыми из словаря Такаты (из набора примерно в 3000 лексем в словарях Пиджина и 1500 в данных Википедии).

Второй метод состоял в выделении шести аспектов фонетической и морфологической трансформации русских слов (см. Приложение), содержащихся в уже адаптированных заимствованиях. Мы сравнивали изменение частотности каждого из этих трансформационных процессов в данных Пиджина и путунхуа. В результате мы разделили сохранность этих процессов на три группы. К группе продуктивных и в Пиджине, и в путунхуа, относится фонетические трансформации №1 и №2. К группе непродуктивных, но встречающихся в путунхуа относится морфологическая трансформация №3. Остальные трансформации (№4–6) относятся к категории частотных лишь в Пиджине.

Проведенное исследование позволяет сделать два вывода: во-первых, вопрос о характере влияния русско-китайского пиджина на адаптацию заимствований в современном стандартном китайском остается открытым. Во-вторых, есть основания допускать разные лингвистические тенденции в обработке заимствований в норме и в узусе путунхуа. Это подчеркивает необходимость проведения дальнейшей работы в сфере изучения контактной социолингвистики русского и китайского языка в диахронической перспективе.

Приложение

Таблица 1. Примеры процессов фонетической и морфологической адаптации заимствований, использованных в исследовании

№	Описание процесса и его тип	Примеры в Пиджине	Примеры в путунхуа	«отрицательный» пример
1	Употребление аффрикат вместо русских [з], [з'] [ж] (фонетический)	Зимовье > 幾毛壓 [цзимаоя] (Таката)	Колхоз > 科尔火支 [кэрхочжи] (словарь-1985) Рязань > 梁贊 [лянцзань] (Википедия)	Кожа > 個日 [гэзэ] (Таката); Кирза > 基尔什 [цзирши] (словарь-1985)
2	Употребление неогубленного гласного [ɥ] вместо русского [о] после заднеязычных согласных (фонетический)	Кожа > 個日 [гэзэ] (Таката)	Кагор > 卡戈尔(酒) [кагэр(цзю)] (словарь-1985) Псков > 普斯科夫 [пусыкэфу] (Википедия)	Голубой > 古路白 [гаулубай] (Таката); Горький (писатель) > 高尔基 [гаорци] (словарь-1990)
3	Вставка суффикса -дза/дзы (этимол. 子, [цзы]) в существительных с основой на зубные согласные (морфологический)	Солдат > 三達子 [сэдацзы] (Таката) / [соледадза] (Перехвальская)	Союз > 沙油子 [шаючжи] (словарь)	Мёд > 妙斗 [мяодоу] (Таката); Совет > 苏维埃 [сувэйай] (словарь-1990)
4	Протеза [ɥ] перед [p]	Розовый > 哦羅之外	Почти не	Рукавицы >

	в абсолютном начале русского слова (фонетический)	[олоцзывай] (Таката)	встр.; исключение: Россия > 俄罗斯 [элосы] (Википедия)	録吓未子 [лухавэйцзы] (Таката) Ранетка > 勒涅特喀(苹果) [лэйнетэка(пинго)] (словарь-1985)
5	трансформация звука [ш] в звук [s] (фонетический)	Шапка > 失不坎 [сэбэкэ] (Таката)	Почти не встр.; Хорошо > 哈拉嚟 [халасо] (словарь-1985)	Машина > 马神 [машэнь] (Перехвальская, словарь-1985)
6	трансформация русского звука [к] в звук [х] (фонетический)	Рука > 録吓 [луха] (Таката)	Не встр.	Сука > 數坎 [сукэ] (Таката), Лукашенко > 卢卡申科 [лукашэнькэ] (Википедия)

Литература

- Ин Ц., Шипановская Л. М. Русские заимствования в китайском языке как результат языковых контактов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. Т. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 1. С. 144–152.
- Ма Н. Харбинский русско-китайский пиджин первой половины XX века и его влияние на русский и китайский языки и культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. Т. 3. № №8 (50). С. 122–127.
- Перехвальская Е. В. Русские пиджины. СПб: Алетейя, 2008. 363 с.
- Сушкова И. М., Сунь Н. Иноязычная лексика в современном китайском языке // Вестник науки Сибири. 2014. № №1 (11). С. 188–192.
- Шипановская Л. М., Ин Ц. Лексические заимствования из русского языка в китайский: исторический аспект (на материале «Словаря китайских заимствований» Лю Чжэньяня, Гао Минкая, Май Юнцяня, Ши Юйвэя, 1984 г.) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2016. № 2. С. 112–123.
- Miao R. Loanword Adaptation in Mandarin Chinese: Perceptual, Phonological and Sociolinguistic Factors // 2005.
- Steriade D. The phonology of perceptibility effects: The P-map and its consequences for constraint organization. // Kristin Hanson & Sharon Inkelas (eds.) The Nature of the Word: Studies in Honor of Paul Kiparsky. Cambridge, MA: MIT Press, 2001. С. 151–180.
- 刘 (Liu) 正焱 (Zhengtan). 汉语外来词词典(Hanyu wailaici cidian). Xianggang: Shanghai: Shang wu yin shu guan Xianggang fen guan; Shanghai ci shu chu ban she, 1985. Вып. Di 1 ban. 23 с.
- 岑 (Cen) 麒祥 (Qixiang). 汉语外来语词典. 北京: 商务印书馆, 1990.
- Словари хяктинского пиджина / под ред. И. Ф. Попова, Т. Таката. Москва: Наука — Восточная литература, 2017. 603 с.

Kirill I. Semenov (kir.semenov@yandex.ru)

Institute for Information Transmission Problems of RAS, Moscow

**A hard way from fur to Katyusha rockets:
does the Russian loanword adaptation in standard Chinese
inherit the Russian-Chinese pidgin?**

Keywords: Corpus linguistics, Russian-Chinese pidgin, sociolinguistics, contact etymology
Throughout the last 3 centuries, there has been spread a number of lects in the border area of Russia and China, which are covered under an umbrella term “Russian-Chinese (also Kyakta or Siberian) pidgin”, hereinafter — Pidgin. The lexifier language for the Pidgin was Russian. The studies in lexicography of the modern standard Chinese (hereinafter — Putonghua) demonstrate that there is a significant number of the phonetic loanwords from Russian in Putonghua as well.

The studies on the history of the Russian-Chinese language contacts tend to suggest the continuity of the features of the adaptation of Russian words in the Pidgin and in Putonghua — (Ying, Shipanovskaya 2016), or at least do not separate the Russian borrowings in the Pidgin and the direct loanwords from Russian to Putonghua (Ma 2015). However, our recent work (Semenov 2020) shows that main adaptation strategies common for Pidgin and Putonghua are easily explained by universals of loanword adaptation, e.g. (Steriade, 2001), which were already validated on the data of English loanwords in Putonghua (Miao 2005). The aim of our work was to conduct a thorough analysis of whether it is likely enough to count the Russian loanwords in Putonghua the “successors” of the loanwords in Pidgin.

The research was conducted on two groups of data. The first group is the documents describing the Pidgin lexicon are the vocabularies of Pidgin published in Russian — (Perekhval'skaya 2008, 138–98) and those published in Chinese — (Popova, Takata 2017). These dictionaries cover all the written documents in Pidgin. As for the second group, namely, the documents describing the Russian borrowings in Putonghua, it includes two dictionaries of loanwords in Chinese — (Liu, 1985), (Cen 1990), and the automatically downloaded dataset of all articles in Chinese Wikipedia, including Russian proper names. We used two quantitative methods which allow us to evaluate the degree of commonality in lexicon of Pidgin and Putonghua loanwords, as well as to describe the frequent morphological and phonetical transformations between the Russian borrowings in Pidgin and Putonghua. The research was conducted by the statistical libraries within Python.

The first method was to count the number of unique Russian lexemes in each document and to compare the intersections between these sets. The assumption was that the more the intersections, the more are the reasons to suggest the continuity between the lects. The results of this analysis demonstrate that the sets of the Russian lexemes in Pidgin and in Putonghua hardly overlap. The only exception was the Wikipedia dataset, which shows the intersection of 10% of its lexicon with Pidgin lexemes.

The second method was to extract six features of phonetical and morphological transformation of the Russian words in the adapted loanwords. We compared the frequencies of each of the features on Pidgin and Putonghua datasets. As a result, we could group these features into three groups judging by their continuity in lects. Features No1 and No2 (see Appendix) were productive both in Pidgin and in Putonghua. Feature No3 was productive in Pidgin and was rarely met in Putonghua. Finally, the features No4-6 were productive and present only in Pidgin.

The research allows to make two conclusions: firstly, the problem of the impact of the Pidgin lexification on the Russian loanword adaptation remains open. Secondly, there are reasons to assume different trends in loanword adaptation in norms and usus of Putonghua. These observations stress the need for further research in contact sociolinguistics of Russian and Chinese in diachronic perspective.

Appendix

Table 1. Examples of the features used in the research

No	Feature and its type (PHON — phonetical, MORPH — morphological)	Examples in Pidgin (Russian > Pidgin)	Examples in Putonghua	Counter-examples from both lects
1	Transformation of Russian [z], [zʲ], [zʲ] fricatives into affricates (PHON)	[zi' movjə] (winter hut) > 幾毛壓 [teimauja]	[kal' xos] (collective farm) > 科尔火支 [kʰɔ̃rɔ̃xɔ̃ʃz̃]; [ri' zanʲ] (Ryazan', proper noun) > 梁贊 [liɑ̃tɕən]	['kʷozə] (skin) > 個日[kɔ̃zə] (Pidgin); [kʲir' za] (artificial leather) > 基尔什 [teĩɔ̃rʃz̃] (Liu 1985)
2	Transformation of Russian round [o] to undround [ɤ] after velar consonants (PHON)	['kʷozə] (skin) > 個日[kɔ̃zə]	[ka' gor] (wine) > 卡戈尔(酒) [kʰākɔ̃r(ɔ̃ə)], [pskof] (Pskov, proper noun) > 普斯科夫 [pʰʊ̃sʒkʰɔ̃fʊ]	[gəlu' boɪ] (blue) > 古路白 [kuləupai] (Pidgin); ['gor'kəɪ] (Gorky) > 高尔基 [kəũ rɔ̃tɕ] (Cen 1990)
3	Use of -dza/–dzi suffix (< 子, [tsɪ]) in nouns (MORPH)	[sal' dat] (soldier) > 三達子 [sə̃tatsɪ]	[sa' jus] (union) > 沙油子 [ʃə̃jəutsɪ]	[miət] (honey) > 妙斗 [miautəu] (Pidgin); [sa' viət] (soviet) > 苏维埃 [sūwəiəi] (Cen 1990)
4	[ɣ]-prothesis before source [r] in the beginning of the Russian word (PHON)	['rozəvəɪ] (pink) > 哦羅之外 [ɣlɔ̃rɔ̃tsɪv ai]	Rare; [ra' sʲijə] (Russia, proper noun) > 俄罗斯 [ɣl'ɔ̃sɔ̃z̃]	[lukəv' itsə] (mittens) > 錄吓未子 [luəxaveitsɪ] (Pidgin); [rə' niətke] (variety of apples) 勒涅特喀(苹果) [lɔ̃in'èthɔ̃kʰā(pʰiəŋkʷə̃)] (Liu 1985)
5	Transformation of Russian [ʂ] to [s] (PHON)	['ʂapkə] (hat) > 失不坎 [səpək'æ̃]	Rare; [xəra' ʂo] (Russia) > 哈拉嗦 [xālās'wə̃]	[mɛ' ʂinə] (car) 马神 [măʂə̃n] (Pidgin; Liu 1985)
6	Transformation of Russian [k] to [x] (PHON)	[ru' ka] (arm) > 錄吓 [luəxa]	absent	['sukə] (bitch) > 數坎 [suk'æ̃] (Pidgin); [lukə' ʂenkə] (Lukashenko) > 卢卡申科 [lúkʰə̃ʂə̃nkʰɔ̃] (Wikipedia)

References

- Ying, Jiang & Shipanovskaya L.M. 2016. Russkiye zaimstvovaniya v kitayskom yazyke kak rezul'tat yazykovykh kontaktov [Russian loanwords in Chinese as a result of language contacts]. *Philological sciences. Theoretical and practical features*. N. 7 (61). 144–152.
- Ma, Na. 2015. Kharbinskiy russko-kitayskiy pidzhin pervoy poloviny XX veka i yego vliyaniye na russkiy i kitayskiy yazyki i kul'tury [Russian-Chinese pidgin in Harbin in XX century and its impact on Russian and Chinese languages and cultures]. *Philological sciences. Theoretical and practical issues*. N8(50): 122–127.
- Perekhval'skaya, Elena V. 2008. Russkiye pidzhiny [Russian pidgins]. Saint-Petersburg: Aleteia.
- Popova, I.F. & Takata, T. 2017. Slovari kyakhtinskogo pidzhina [Kyakhta pidgin dictionaries]. Moscow: Nauka — Vostochnaya literatura.
- Liu, Zhengtan, ред. 1985. Han yu wai lai ci ci dian [Chinese loanword dictionary]. Di 1 ban. Xianggang : Shanghai: Shang wu yin shu guan Xianggang fen guan ; Shanghai ci shu chu ban she.
- Semenov, Kirill I. 2020. “Strategii preobrazovaniya russkikh foneticheskikh zaimstvovaniy v kitayskom yazyke: foneticheskiye i graficheskiye aspekty” [Adaptation strategies of Russian phonetic loanwords in Chinese: Phonetic and graphical aspects]. *RSUH/RGGU Bulletin. “Philology. Linguistics. Culturology” Series*, (2), 30–63.
- Steriade, Donca. 2001. «The phonology of perceptibility effects: The P-map and its consequences for constraint organization.» B Kristin Hanson & Sharon Inkelas (eds.) *The Nature of the Word: Studies in Honor of Paul Kiparsky*, 151–80. Cambridge, MA: MIT Press.
- Cen, Qixiang. 1990. Han yu wai lai ci ci dian [Chinese loanword dictionary]. Beijing: shang wu yin shu guan.

Наталья Марковна Стойнова (stoynova@yandex.ru)

ИРЯ РАН, ИЯз РАН, Москва

Ирина Андреевна Хомченкова (irina.khomchenkova@yandex.ru)

ИРЯ РАН / МГУ / ИЯз РАН, Москва

Адвербиальные клаузы с русскими союзами в трех разноструктурных языках

(For English version see below)

Целью доклада является корпусное описание адвербиальных клауз с русскими союзами в трех разноструктурных языках: нанайском (тунгусо-манчжурские < южно-тунгусские), лесном энецком (самодийские < уральские) и горномарийском (финно-угорские < уральские), ср. примеры (1)–(4).

В (i)–(iii) перечислены русские союзы, встретившиеся в корпусах рассматриваемых языков, и приведена их абсолютная частотность, ср. также для сравнения частотность этих союзов в НКРЯ (с 1950 г., снятая омонимия, % от суммарного количества употреблений перечисленных союзов) в (iv). В докладе будет также дана информация о доле клауз с каждым из союзов от общего числа клауз соответствующего семантического типа в корпусе.

(i) НАНАЙСКИЙ: *если* (59) > *когда* (24) > *чтобы* = *пока* (6) > *потому что* (4) > *пока* + NEG (1)

(ii) ЭНЕЦКИЙ: *чтобы* (64) > *если* (28) > *потому что* (19) > *когда* (16) > *пока* (4)

(iii) ГОРНОМАРИЙСКИЙ: *если* (82) > *чтобы* (49) > *потому что* (31) > *пока* (24) > *пока* + NEG (8) > *хотя* (6)

(iv) РУССКИЙ (НКРЯ): *если* (28) > *когда* (25) > *чтобы* (23) > *потому что* = *хотя* (9) > *пока* (3) > *пока* + NEG (2)

Мы сравним наши данные с имеющимися типологическими обобщениями о заимствуемости подчинительных союзов. Так, в (Matras 2007: 56) представлена иерархия (v), в которой дается семантико-прагматическое объяснение, а в (Grant 2012: 350) дается предсказание о степени заимствуемости союза внутри каждого семантического типа в зависимости от его частотности/прототипичности (vi).

(v) concessive, conditional, causal, purpose > other subordinators (=temporal)

(vi) менее частотные (с более специфическим значением) > более частотные (базовые)

Эти обобщения предсказывают наличие / отсутствие того или иного типа союзов в языке. Очевидных противоречий им в наших данных нет, однако объяснить частотные асимметрии между союзами в каждом из языков и очевидную из (i)–(iii) разницу между рассматриваемыми языками с их помощью сложно.

Мы дадим объяснения наблюдаемым в (i)–(iii) асимметриям с точки зрения конгруэнтности vs. инконгруэнтности между стратегиями оформления адвербиальной клаузы соответствующего семантического типа в языке-реципиенте (нанайском, горномарийском, энецком) и в языке-доноре (русском). Конгруэнтность vs. инконгруэнтность мы будем оценивать по трем параметрам: финитность/нефинитность предиката зависимой клаузы, наличие/отсутствие союза и (при наличии) его линейная позиция. Сопоставляемые языки заметно отличаются в этом фрагменте грамматики от

русского и задают достаточное пространство вариативности. В каждом из языков представлено более одной стратегии для разных семантических типов адвербиальных клауз. Эти стратегии различны в разных языках.

Общие тенденции можно сформулировать следующим образом. С одной стороны, избегается употребление русского союза при полной конгруэнтности. Отсюда, например, отсутствие союза *когда* в горномарийском, где временная зависимая клауза имеет структуру, идентичную русской: финитная клауза с препозитивным союзом. С другой стороны, употребление русского языка избегается и при слишком сильной инконгруэнтности. Отсюда, например, низкая частотность *чтобы* в нанайском, где целевые клаузы оформляются без союза специализированной целевой нефинитной формой, но не в энецком, где стратегия тоже бессоюзная, но распределение по глагольным формам соответствует русскому: конъюнктив в разносубъектных клаузах и инфинитив в односубъектных.

Мы обсудим также зафиксированные в наших данных случаи преодоления инконгруэнтности между русской и автохтонной стратегиями оформления адвербиальной клаузы: например, дублирование союза, как в (3), или употребление финитной формы глагола (по аналогии с русским) вместо ожидаемой нефинитной, как в (4).

Примеры

- (1) НАНАЙСКИЙ (itg_20130311_ns_BeremennostjRodyObrjady)
acasi, patamušta piktə-gu-j bā-ri-du-ji
нельзя **потому что.R** ребенок-DEST-REFL.SG находить-PRS-DAT-REFL.SG
piktə-ni=təni tā-ri
ребенок-3SG=a застревать-PRS
'Нельзя, потому что, когда будешь рожать, ребенок застрянет'.
- (2) ЛЕСНОЙ ЭНЕЦКИЙ ((NK100709_JUK_018)
pəxi ftəb səjza-ən kasu-n'i-f
юкола **чтобы.R** хороший-PROL.SG высохнуть(PFV)-CONJ-3SG.S.PST
'Чтобы юкола хорошо засохла...'
- (3) ГОРНОМАРИЙСКИЙ ("Игры-7", 20)
jesli čädä-n əl-at gän'ä ik igra vele prostā
если.R мало-FULL быть-NPST.2SG **если** один игра только просто.R
'Если мало народу, то только одна игра просто'.
- (4) ЛЕСНОЙ ЭНЕЦКИЙ (AS090715_POLZ_004)¹
jesli sira-noju pən'i-da-r,
если.R снег-ADV делать(IPFV)-FUT-2SG.SO_SG
tə-noju n'e-r pən'i-d
лето-ADV NEG-2SG.SO_SG делать(IPFV)-FUT.CONNEG
'Если зимой будешь его использовать, летом не будешь его использовать'.

¹ Пример и интерпретация из [Khanina, in press].

Корпуса

В работе использованы полевые коллекции устных спонтанных текстов:

Нанайский: ок. 40 тыс. сл.-употр., собран С. А. Оскольской и Н. М. Стойновой в ходе экспедиций в Хабаровский край, 2011–2017.

Лесной энецкий: ок. 75 тыс. сл.-употр., подготовлен О. В. Ханиной и А. Б. Шлуинским на основе полевых данных 2005–2010 и архивных данных 1969–2003.

Горномарийский: ок. 63,5 тыс. сл.-употр., собран коллективом горномарийской экспедиции в респ. Марий Эл, 2016–2018 (<http://hillmari-exp.tilda.ws/corpus>).

Сокращения

2, 3 — 2 и 3 лицо, ADV — адвербиализатор, CONJ — конъюнктив, CONNEG — коннегатив, DAT — датив, DEST — дестинатив, FULL — полная форма, FUT — будущее время, IPFV — имперфектив, NEG — отрицание, NPST — непрошедшее время, PFV — перфектив, PROL — пролатив, PRS — настоящее время, PST — прошедшее время, R — русский, REFL — рефлексив, S — субъектное спряжение, SG — единственное число, SO — субъектно-объектное спряжение.

Литература

Grant A. Contact, convergence, and conjunctions: a cross-linguistic study of borrowing correlations among certain kinds of discourse, phasal adverbial, and dependent clause markers // Chamoreau C., Léglise I. (Eds.) *Dynamics of Contact-Induced Language Change*. New York/Berlin: Mouton de Gruyter, 2012. P. 311–358.

Khanina O. Enets — Russian language contact // Grenoble L., Forker D. (Eds.) *Language contact in the territory of the former Soviet Union (Studies in Language Variation)*. New York: John Benjamins, 2021 (In press).

Matras Y. The borrowability of structural categories // *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Matras Y., Sakel J. (Eds.) Berlin: De Gruyter Mouton, 2007. P. 15–29.

Благодарности

Исследование поддержано грантом РФФ №17-18-01649.

Irina Khomchenkova (irina.khomchenkova@yandex.ru)
Russian Language Institute, RAS / MSU / Institute of Linguistics, RAS, Moscow
Natalia Stoyanova (stoyanova@yandex.ru)
Russian Language Institute, RAS / Institute of Linguistics, RAS, Moscow

Adverbial clauses with Russian conjunctions in three languages with different subordination strategies

The paper presents a corpus-based study of adverbial clauses with Russian conjunctions in three languages with different subordination strategies: Nanai (Southern Tungusic < Tungusic), Forest Enets (Samoyedic < Uralic), and Hill Mari ((Finno-Ugric < Uralic), cf. examples (1)–(4).

In (i)–(iii), we list Russian subordinators attested in the corpora of the languages under discussion and give their absolute frequency. In (iv), we show the frequency of the same subordinators in Russian National corpus as a baseline (% out of all uses of all the conjunctions listed). In the talk, we will also demonstrate the rate of clauses with each Russian subordinator out of all clauses of the corresponding semantic type.

(i) NANAI: *jesli* ‘if’ (59) > *kogda* ‘when’ (24) > *čtoby* ‘in order to’ (6) = *poka* ‘while’ (6) > *potomu čto* ‘because’ (4) > *poka* + NEG ‘until’ (1)

(ii) FOREST ENETS: *čtoby* ‘in order to’ (64) > *jesli* ‘if’ (28) > *potomu čto* ‘because’ (19) > *kogda* ‘when’ (16) > *poka* ‘while’ (4)

(iii) HILL MARI: *jesli* ‘if’ (82) > *čtoby* ‘in order to’ (49) > *potomu čto* ‘because’ (31) > *poka* ‘while’ (24) > *poka* + NEG ‘until’ (8) > *hot’a* ‘although’ (6)

(iv) RUSSIAN NATIONAL CORPUS: *jesli* ‘if’ (28) > *kogda* ‘when’ (25) > *čtoby* ‘in order to’ (23) > *potomu čto* ‘because’ (9) = *hot’a* ‘although’ (9) > *poka* ‘while’ (3) > *poka* + NEG ‘until’ (2)

First, we will discuss our data in the light of the existing cross-linguistic generalizations on the borrowability of subordinating conjunctions. Matras (2007: 56) formulates a hierarchy of borrowability (v) and explains it in semantic and pragmatic terms. Grant (2012: 350) states that within each semantic type of subordinate clauses the borrowability of a conjunction depends on how it is frequent and semantically basic/complex (vi).

(v) concessive, conditional, causal, purpose > other subordinators (=temporal)

(vi) less frequent (having more specific meanings) > more frequent (basic)

These generalizations predict the presence / absence of a borrowed conjunction in a language. Our data do not contradict to them notably. However, they do not explain frequency asymmetries between different subordinators in each language, as well as the difference between the languages under consideration, which is evident from (i)–(iii).

We will explain the asymmetries attested in (i)–(iii) appealing to the congruence vs. incongruence between subordination strategies attested in the recipient language (Nanai, Hill Mari, Forest Enets) vs. in the donor language (Russian). For each semantic type of adverbial clauses, we will measure the level of congruence based on the following parameters: a) finiteness/non-finiteness of the dependent clause predicate, b) presence/absence of a conjunction; and c) (if a conjunction is used) its linear position. In all these respects, all three languages under consideration differ notably from Russian, and they also differ from each other enough to make a meaningful comparison.

Each language has more than one strategies for different semantic types of adverbial clauses. These strategies vary across the languages.

The general tendencies attested in our data are as follows. On the one hand, Russian conjunctions are avoided when a full congruence takes place. This explains, for instance, the absence of the Russian *kogda* ‘when’ in Hill Mari: the Hill Mari temporal adverbial clause has the same structure as in Russian, i.e. this is a finite clause with a preposed subordinating conjunction. On the other hand, the use of Russian conjunctions is also avoided in case of a full incongruence. This explains, for instance, why the Russian *čtoby* ‘in order to’ is very infrequent in Nanai, although it is quite frequent in Forest Enets. In Nanai, purpose clauses are marked without conjunctions by means of a dedicated purposive non-finite form. By contrast, Forest Enets does not employ conjunctions either, but the distribution of verb forms in the Enets purpose clause corresponds to that of Russian: the conjunctive form is used in different-subject clauses, and the infinitive is used in same-subject clauses.

We will also discuss the cases that can be interpreted as the overcoming of the incongruence. For instance, the doubling strategy, when both the indigenous conjunction and the Russian one are used in the same clause, is attested in our data (3). Another similar case is the use of the finite verbal form (as in Russian) instead of the non-finite form that is normally used in the corresponding type of adverbial clauses, cf. (4).

Examples

- (1) NANAI (itg_20130311_ns_BeremennostjRodyObrjady)
 acasi, **patamušta** piktə-gu-j bā-ri-du-ji
 forbidden **because.R** child-DEST-REFL.SG find-PRS-DAT-REFL.SG
 piktə-ni=təni tā-ri
 child-3SG=COORD be_stuck-PRS
 ‘It is forbidden, because the baby can be stuck during the birth.’
- (2) FOREST ENETS (NK100709_JUK_018)
 pəxi **ʃtəb** səjza-ən kasu-nʲi-f
 dried_fish **in_order_to.R** good-PROL.SG dry_out(PFV)-CONJ-3SG.S.PST
 ‘In order that dried fish dry out well..’ (NK100709_JUK_018)
- (3) HILL MARI (Hill Mari Corpus: Igry-7, 20)
jesli čədä-n əl-at **gəñə** ik igra vele prostə
if.R few-FULL be-NPST.2SG **if** one game.R only simply.R
 ‘If there are few people, there is simply only one game.’
- (4) FOREST ENETS (AS090715_POLZ_004)¹
jesli sira-noju pəñi-**da-r**,
if.R snow-ADV do(IPFV)-FUT-2SG.SO_SG
 təw-noju nʲe-r pəñi-d
 summer-ADV NEG-2SG.SO_SG do(IPFV)-FUT.CONNEG
 ‘If you will use it in winter, then you will not use it in summer.’

¹ The example as well as its interpretation comes from Khanina (In press).

Corpora

The following collections of oral spontaneous texts were used:

Nanai — ca. 40,000 tokens, collected by Sofia Oskolskaya and Natalia Stoynova in Khabarovsk Krai (2011–2017).

Forest Enets — ca. 75,000 tokens, collected by Olesya Khanina and Andrey Shluinsky in the Taimyr peninsula (2009–2012).

Hill Mari (<http://hillmari-exp.tilda.ws/corpus>) — ca. 63,500 tokens, collected by the Moscow State University team (2016–2018).

Abbreviations

2, 3 — 2, 3 person, ADV — adverbializer, CONJ — conjunctive, CONNEG — connegative, DAT — dative, DEST — destinative, FULL — full form, FUT — future tense, IPFV — imperfective, NEG — negation, NPST — non-past tense, PFV — perfective, PROL — prolativ, PRS — present tense, PST — past tense, R — Russian, REFL — reflexive, S — subject conjugation, SG — singular, SO — subject-object conjugation.

References

Grant A. Contact, convergence, and conjunctions: a cross-linguistic study of borrowing correlations among certain kinds of discourse, phasal adverbial, and dependent clause markers // Chamoreau C., Léglise I. (Eds.) *Dynamics of Contact-Induced Language Change*. New York/Berlin: Mouton de Gruyter, 2012. P. 311–358.

Khanina O. Enets-Russian language contact // Grenoble L., Forker D. (Eds.) *Language contact in the territory of the former Soviet Union (Studies in Language Variation)*. New York: John Benjamins, 2021 (In press).

Matras Y. The borrowability of structural categories // *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Matras Y., Sakel J. (Eds.) Berlin: De Gruyter Mouton, 2007. P. 15–29.

Acknowledgements

The research was conducted with support of RSF grant №17-18-01649.

Maria Usacheva (mu@iling-ran.ru)
Institute of Linguistics, RAS, Moscow

**From 1897 to 2017:
contact-induced changes in the system of Yazva Komi demonstratives**

Мария Николаевна Усачёва (mu@iling-ran.ru)
Институт языкознания РАН, Москва

**С 1897 по 2017: контактно-обусловленные изменения
в системе коми-язьвинских демонстративов**

The present abstract is devoted to the changes which demonstrative pronouns have undergone in Yazva Komi during the last 120 years. Yazva Komi is an idiom spoken in Krasnovishersk region (Perm Territory, Russian Federation). The earliest book devoted to Yazva Komi was written by Arvid Genetz in 1897; it includes a grammar sketch, a glossary, and texts. A more detailed description published by Vasily I. Lytkin in 1961 also includes texts. There is also a collection of texts recorded and transcribed in Yazva Komi-speaking villages of Parshakova, Antipina, and Vankova by my colleagues and me in 2016–2017. It gives us an opportunity to track the changes undergone by Yazva Komi since 1897.

Permic languages, the branch of Finno-Ugric languages Yazva Komi belongs to, are generally assumed to lack specialized personal 3Sg and 3Pl pronouns; this function is performed by demonstratives (see, for example, [Fedyunyova 2009]). Arvid Genetz states the same for Yazva Komi. He points out that “there is no third person pronoun, it is substituted by demonstrative pronoun *sída*, Pl *nída*, which” (Genetz 1897: 53; my translation from German). But in the texts published by Genetz there are 15 examples of *sída* and *nída* used as personal pronouns (1), 2 examples of *sída* used adnominally (i.e. as a demonstrative pronoun, see (2–3)) and 1 example where the function of the pronoun is not clear. In other words, in the texts collected by Genetz the main function of *sída* and *nída* is anaphoric, though adnominal uses do exist. In Lytkin’s texts there are 67 examples with personal *sída/síja* and *nída/níja*. As for adnominal position, *sí* is used in the expressions *si kómât* ‘in this time’ and *sía jøzsań* ‘since that time’ which look like fixed ones. Apart from these expressions, there is only one example (4) where the position of *si* in principle can be analyzed as adnominal. But in this example *sí* is translated by Lytkin as ‘his’, not as ‘this’; moreover, in this example *sí* clearly keeps track to the bear, and the interpretation as a demonstrative identifier is unlikely. So, in the texts collected by Lytkin *sída/síja* and *nída/níja* behave mostly as personal pronouns and are used adnominally only in certain expressions. In the texts recorded in 2016–2017 there are 104 examples of *sída/síja* and *nída/níja* used anaphorically, one example of *sída* (5) and one of *síja* (6) used adnominally, both in expressive function.

To sum up, in spite of the fact that Arvid Genetz claimed that there are no 3Sg and 3Pl personal pronouns in Yazva Komi, we see from the texts that in fact there are former demonstratives which almost have specialized as personal pronouns. There are no examples of adnominal *nída/níja* even in Genetz’s texts, so we can suppose that these forms have become personal pronouns in XXth century already. As for *sída/síja*, they are still sometimes used adnominally, but only in expressive function. This shift from demonstratives to personal pronouns could have been caused by Russian influence. Yazva Komi is constantly being highly influenced by Russian for a long time. This fact was already emphasized by Arvid Genetz who worked in the village of

Parshakova in 1889. About 70 years later, Vasily Lytkin fixed the process of language shift. According to his data, about 6% of population of Yazva Komi villages neither speak nor understand Yazva Komi (Lytkin 1961: 4), and 75% of population, including children, fluently speak and understand both Russian and Yazva Komi (Lytkin 1961: 6). In present days there are no fluent Yazva Komi speakers among children and teenagers, only people over 40 speak it in everyday communication. This situation of a gradual shift could have caused changes in the pronominal system.

Examples

(1) Yazva Komi (Lytkin 1961: 211):

–Mun-á-m!	–vép-ê	kań.		
go-NPST-1PL	say-	dog		
	PRS.3SG			
Vot	ruč	váj-êt-i-s	si-ê	
here	fox	bring-CAUS-PST-3SG	that-ACC	
nêrá-s	din-ê.	I	ní-a	gótraś-i-nis.
den-POSS.3SG	near-ILL	and	that.PL-NOM	get.married-PST-3PL

“Let’s go!” — says the dog. The fox brought him (the dog) to her (fox’s) den. And they got married.

(2) Yazva Komi (Genetz 1897: 37):

Sí-da	pitúk	šor	dór-êž	vu-á-s,	ju-nê	kut-á-s.
that-NOM	rooster	stream	near-TERM	go-FUT-3SG	drink-INF	catch-FUT-3SG

The rooster went near the stream, got thirsty.

(3) Yazva Komi (Genetz 1897: 37):

A	sí-da	kêžéjn	viśtál-a-s:	“møś-jêž	din-ê”.
and	that-NOM	master	say-FUT-3SG	cow-PL	near-ILL

And the master said: “Near the cows”.

(4) Yazva Komi (Lytkin 1961: 204):

“timka,	ášên	mé-jêž	té-kêť
PN	tomorrow	I-PL	you-COMIT
váj-a-mê	kapkán	óš-êvêj-êś,	śijál-a-mê,
bring-NPST-1PL	trap	bear-ATTR-ACC	set-NPST-1PL
ás	sí-ja	síccê	lapa-sê
let	that-NOM	here.ILL	paw-ACC.3SG
śuj-išť-as.”	ášên-a-s	mé-jêž	dêduško-kêť
put-RAR-FUT.3SG	tomorrow-ILL-POSS.3SG	I,NOM-PL	grandpa-COMIT
káj-êť-i-m	kapkán	i	śijál-i-m
go.up-CAUS-PST-1PL	trap	and	set-PST-1PL
uj	kiž-a-s	si	trêpá
night	time.period-ILL-POSS.3SG	that	paw
vêl-ê.			
surface-ILL			

“Timka, tomorrow you and me shall bring a bear trap and set it, let he (the bear) put his paw there”. The next day I and my grandpa brought a trap and set it on his/??this path for the night.

(5) Yazva Komi (field notes):

SP1: gús-jêz bór-ên sulál-ê pún-pjan.
goose-PL behind-LOC stand-PRS.3SG dog-DIM

There is a puppy standing behind the geese.

SP2: kât-ên **síja** **pún-pjan-is?**
where.LOC that dog-DIM-POSS.3SG

Where is this [bloody] puppy?

SP1: tétinas âl-ân-žik léjka sulál-ê,
there far-LOC-CMPR watering.can stand-PRS.3SG
poč-is din-ân mūd pón-a-s, sprava.
pole-POSS.3SG near-LOC other end-LOC-POSS.3SG on.the.right

There is a watering can standing there, near the pole, on the other end, on the right.

SP2: kât-ís-ke ážâl-i **léjka** **sída.**
where-EL-INDEF see-PST.1SG watering.can this

I have seen this watering can somewhere.

References

- Fedyunyova, Galina V. 2009. Pervichnyje mestoimeniya i ikh proizvodnyje v permskikh yazykakh [Primary pronouns and their derivatives in Permic languages]. Syktyvkar: UIIJAL UrO RAN dissertation.
- Genetz, Arvid. 1897. Ost-Permische Sprachstudien. Journal de la Société Finno-Ougrienne XV, 1. Helsingfors.
- Lytkin, Vasily I. 1955. Komi-yazvinskiy dialekt [The Yazva Komi dialect]. Moscow: Akademiya Nauk SSSR.

Acknowledgements

This work is supported by RFBR grant 20 512 14003 ASCF_A "Linguistic diversity in the Volga-Kama region. Typology and language documentation between Volga and Urals".

*Nina Zdorova (nzdorova@hse.ru)
HSE University, Center for Language and Brain, Moscow
Anna Artemova
University of Groningen
Olga Parshina
HSE University, Center for Language and Brain, Moscow
Mariya Khudyakova
HSE University, Center for Language and Brain, Moscow*

**The influence of Nenets-Russian bilingualism on Russian language development
in Yamalo-Nenets primary school students**

*Нина Станиславовна Здорова (nzdorova@hse.ru)
НИУ ВШЭ, Центр языка и мозга, Москва
Анна Игоревна Артемова
Университет Гронингена
Ольга Александровна Паршина
НИУ ВШЭ, Центр языка и мозга, Москва
Мария Викторовна Худякова
НИУ ВШЭ, Центр языка и мозга, Москва*

**Влияние ненецко-русского билингвизма на усвоение русского языка
учениками ямало-ненецких начальных школ**

Introduction

This study is an exploratory investigation of the influence of the Nenets-Russian bilingualism on the various aspects of language development in primary school students from Yamalo-Nenets region. We are interested in Russian language development of tundra Nenets children who follow their parent's nomadic lifestyle and speak predominantly Nenets in their families. Being 6–7 y.o. they pursue education with a Russian instruction, which means that they start acquiring Russian as their second mother tongue at the age when their monolingual peers are expected to have reached the development of basic Russian language skills. Thus, the present study aims to assess the level of Russian language development in Nenets-Russian bilinguals and bilingualism-induced changes in their Russian speech.

Method

We used the Russian Child Language Assessment Battery (RuCLAB). This is a standardized assessment tool for Russian speech development in children from 3 to 7 years old developed by the colleagues from the Center for Language and Brain, HSE University Moscow. 27 children aged 6–8 y.o. participated in the study. They were Nenets-Russian bilinguals (N=16) and Russian monolinguals (N=11) from Yamalo-Nenets region. Participants completed a tablet-based RuCLAB containing 11 subtests that assess all language levels. The present study reports 6 subtests: noun, verb and sentence comprehension, as well as noun, verb and sentence production. The results of bilingual and monolingual children of Yamalo-Nenets region were compared with the norm, counted on 88 Russian monolinguals. Each subtest contained 24 stimuli and measured accuracy (on the scale 1 or 0) together with a type of error (phonological, semantic or other).

Results

Mean accuracy for each group in each subtest was calculated, and compared with a lower boundary of the norm. Additionally, a qualitative analysis of errors was conducted which enabled us to track Nenets-induced influence on Russian speech development. First, mean accuracy of bilinguals across the tests was lower than mean accuracy of monolingual children and the Russian monolingual norm. Moreover, bilinguals' performance across all subtests was below the norm boundary that was considered as the 5th percentile. Second, the comparison among the subtests revealed a lower performance (mean 0.47) in verb production than in any other test (mean 0.73).

Finally, analysis of errors revealed that among the errors in both production and comprehension subtests, semantic errors dominated with 48% respectively. Semantic errors implied naming or choosing semantically close words instead of a precise nomination expected.

Discussion

Some semantic errors and grammatical errors of verb conjugation made by Nenets-Russian bilinguals in Russian are comparable with those made by Russian monolingual children of younger age. This implies that Russian speech development in Nenets-Russian bilinguals is rather characterized by a typical Russian speech development in normally developing monolingual children that is shifted in age. At the same time, errors in plurality formation and some semantic errors for word production could be regarded as a result of a language transfer from Nenets to Russian. Thus, we suggest that a lower overall performance across tests in the bilingual group is to be explained through the influence of bilingualism that causes a delay in speech development.

However, we cannot conclude that there is a direct influence of Nenets language system on Russian speech performance due to the small sample size. More data are needed to investigate this further.